

ПИСЬМА БЛОКА

К. А. А., С. А. И Ф. А. КУБЛИЦКИМ-ПИОТТУХ

Вступительная статья, публикация и комментарии

В. П. Енишерлова

Среди эпистолярного наследия Блока, пожалуй, наиболее неожиданными оказываются его юношеские письма к двоюродному брату Андрею Адамовичу *Кублицкому-Пиоттух* (1886—1960), относящиеся к 1895—1903 гг. Вместе с несколькими сохранившимися небольшими посланиями к Феликсу Адамовичу *Кублицкому-Пиоттух* (1884—1970) и восьми письмами к их матери Софье Андреевне *Кублицкой-Пиоттух* (1858—1919), тетке Блока, они составляют корпус материалов, позволяющих лучше почувствовать атмосферу, окружавшую поэта в годы юности.

Известно, что Блок воспитывался весьма замкнуто. Об этом пишет в воспоминаниях «Саши Блок» Ф. А. *Кублицкий-Пиоттух*: «В сущности говоря, у Саши в детстве и ранней молодости не было настоящих близких товарищей. В детстве друзьями игр были мы, двоюродные братья, и другие родственники нашего возраста (Лозинские, Недзвецкие). Товарищ по гимназии Н. В. Гун едва ли мог быть действительно близок Блоку, так как по всем своим привычкам и вкусам был далек от духа и интересов, господствовавших в Бекетовской семье. Точно так же случайная и кратковременная была неожиданно возникшая дружба с кадетом, а затем молодым офицером В. В. Греком. Нелюдимость Блока начинала сказываться уже в ранних годах»¹.

Бытовой уклад и традиции семьи Бекетовых предопределили тесное родственное общение четырех сестер — Екатерины, Софьи, Марии и Александры (матери поэта) в юности и в более поздние годы. Мемуаристы не раз отмечали, пишет об этом и Блок в автобиографии, что три из четырех дочерей профессора А. Н. Бекетова (Екатерина, Мария, Александра) были не чужды литературе. Действительно, писали и печатались все сестры Бекетовы, кроме Софьи Андреевны. В отличие от сестер ее увлечение литературой не было активным, профессиональным, но интерес был весьма устойчив и постоянен. Характерно, что среди книг из библиотеки Софьи Андреевны *Кублицкой-Пиоттух* наряду с произведениями Л. Н. Толстого, А. К. Толстого, Фета, Полонского, Тургенева, Гончарова и т. д. сохранились и два тома писем Владимира Соловьева с ее владельческой надписью и многими пометами в тексте². Несомненно, они были приобретены не без влияния Александра Блока, чье внимание к Владимиру Соловьеву могло привлечь Софью Андреевну, живо интересовавшуюся всем, что касалось племянника. Вряд ли случайно и то, что именно ей подарил Блок свой первый (и единственный) рукописный сборник стихов (так называемая «тетрадь тети Софы»), куда вписал отобранные самой Софьей Андреевной стихотворения 1898—1899 гг.³ Из библиотеки С. А. *Кублицкой-Пиоттух* до нас дошли, к сожалению, всего две книги стихов Блока с его автографами — «Ночные часы» и «Стихи о России»⁴. Но, как рассказывал Ф. А. *Кублицкий-Пиоттух*, поэт дарил Софье Андреевне все свои произведения за исключением отдельного издания поэмы «Двенадцать». Но и поэму «Двенадцать», напечатанную в журнале «Наш путь» № 1 в 1918 г., Блок послал Софье Андреевне в подмосковную деревню Сафоново, где она жила тогда с сыном Феликсом. На экземпляре этого журнала остался штамп ближайшего к Сафонову почтового отделения в селе Обольяново, на титульном листе инвентарный номер (№ 524) библиотеки *Кублицких-Пиоттух*, в текстах поэмы «Двенадцать» и стихотворения «Скифы» оценочные пометы карандашом — галочки, подчеркивания и т. д.

Софья Андреевна всегда поощряла любовь своих детей и племянника к театру. На квартире *Кублицких-Пиоттух* не раз устраивались спектакли с участием Блока, его двоюродных братьев и других родственников, нередко она водила детей в Александринский и Мариинский театры. Позже Софья Андреевна даже увлекалась драматургией Блока. Мария Андреевна Бекетова записывает в дневнике, что, побывав на знаменитой премьере «Балаганчика», «Софа нашла, что все лучше, чем ожидала»⁵, а в 1908 г. она же отмечает в дневнике о Блоке:

«Он был один в июне в Шахматове. Все было хорошо. С тетей Софьей они совсем поладили. Читал даже «Песню судьбы». Ей понравилось»⁶.

Видимо, причину постепенно нарастающих трений между Блоком, его матерью и семьей Кублицких-Пиотух следует искать прежде всего в коренном психологическом антагонизме сестер Бекетовых — Александры Андреевны и Софьи Андреевны. Это были люди совершенно различного душевного склада. Обостренно-нервная, порывистая, эмоционально неуравновешенная мать поэта была полной противоположностью сестре, которая, как пишет М. А. Бекетова, «отличалась непреклонной принципиальностью и не признавала никаких отклонений от долга. Она доходила в этом отношении до крайности, впадая в пуританство; наша бабушка со стороны матери говорила про нее: «Сонька всегда с принципами ходит». Всякое легкомыслие было чуждо сестре Софье Андреевне. Оно вызывало в ней раздражение и протест. Она считала, что у матери не должно быть своей жизни, а к жизни вообще относилась довольно сурово»⁷. Восприятие жизни, искусства, религии — все было у сестер противоположно. 7 мая 1898 г. Александра Андреевна писала родителям: «Вчера вечером все мы были у Саши Енишерловой⁸, и я там произвела серьезную огнестрельную вылазку против Ветхого Завета. Многие хохотали, а Софа все пугалась. Мои выстрелы попадали все в ее душу. Но все это ничего, обошлось. Завтра после экзамена мы с Сашурой там обедаем...»⁹.

Софья Андреевна любила Блока спокойно, по-родственному, не разделяя того безудержного поклонения, которым окружали молодого поэта Александра Андреевна и Марья Андреевна. Характерно ее замечание в письме, poslanном сыну Андрею летом 1907 г. Советуя ему поскорее поехать в Шахматово, Софья Андреевна оговаривается, что там наверно ему будет неприятна «атмосфера поклонения, которым окружен Саша»¹⁰. Лето 1907 г. было одним из самых напряженных во взаимоотношениях с Софьей Андреевной. Об этом свидетельствует запись от 26 августа в дневнике М. А. Бекетовой: «Уехала Аля из Шахматова. Поехала ко мне на квартиру из экономии и чтобы не жить у Кублицких. Последние дни страшно обижала Софу. Вообще, это лето они с Сашей ее совершенно сживали со свету. Мучительно было на это смотреть. Саша сделал большие успехи в распущенности, безжалостности и эгоизме. До чего он бывает груб. Ведь этого прежде не было. И это именно с Софьей... Софа при нем теряет последнюю гибкость...»¹¹. Такие напряженные отношения и стали позже (в 1910 г.) одной из причин, точнее главной причиной того, что семья Софьи Андреевны, получив от Блока одну треть стоимости Шахматова (сестры Бекетовы владели имением совместно), купила в двадцати верстах усадьбу Сафоново. После покупки Сафоново, где очень часто бывал Блок (это одно из забытых, но значительных мест на карте блоковского подмосковья), отношения с Кублицкими стали значительно ровнее, без тех открытых всплесков вражды, которые встречались ранее. Сглаживанию напряженности, конечно, способствовал характер Софьи Андреевны и то, что теперь не надо было каждое лето жить совместно в тесном для большой семьи Шахматове.

Простота, «светскость» (по словам Андрея Белого), интеллигентность Софьи Андреевны привлекали к ней многих людей, казалось бы духовно ей чуждых. Андрей Белый в «Воспоминаниях о Блоке», в главе, посвященной поездке в Шахматово, писал: «Запомнилось это сиденье вместе, во время которого появились в гостиную двое юношей, что-то очень красивые: юноши были представлены как сыновья С(офьи) А(ндреевны) (тетки А. А.), появилась сама С. А., очень она мне понравилась; но она нас покинула...»¹². Она была хорошо знакома с В. В. Розановым, который бывал у Кублицких, Ф. Д. Батюшковым и другими представителями петербургской литературной и художественной интеллигенции.

Нервозность отношений Блока с Софьей Андреевной Кублицкой-Пиотух, по всей видимости, отразилась и на сохранности их переписки. Из очень большого количества сейчас известны лишь семь юношеских писем Блока, одна поздравительная открытка и одно письмо к нему Софьи Андреевны. Письма Блока интересны обстоятельным описанием бытовых подробностей шахматовской жизни и, как замечал сам Блок, «окружающей нравственной атмосферы». Некоторые из них были отправлены в Барнаул, где Софья Андреевна жила с мужем и детьми в 1900—1902 гг. Одно из писем (от 27 ноября 1901 г.) содержит сведения о событиях, происходящих в Университете, и участии Блока-студента в общественной студенческой жизни.

6 марта 1919 г., получив телеграмму от Адама Феликсовича Кублицкого-Пиотух, Блок отметил в записной книжке: «Известие о смерти тети Софьи» (ЗК, 451). Она умерла 5 марта в Москве от воспаления легких и похоронена на Новодевичьем кладбище.

Имя мужа Софьи Андреевны Адама Феликсовича Кублицкого-Пиоттух не раз упоминается в письмах, дневниках, записных книжках Блока. Весьма сжатая, сухая характеристика, которую ему до сих пор давали исследователи жизни Блока, слишком лапидарна и тенденциозна. В 1879 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета¹³. С семьей ректора А. Н. Бекетова его познакомил товарищ и коллега по университету Конрад Викторович Недзвецкий, который, будучи делегатом юридического факультета в Управлении Общества студенческой помощи при Петербургском университете, каждую субботу приглашался на чай в ректорский дом¹⁴.

27 февраля 1882 года¹⁵ Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух женился на Софье Андреевне Бекетовой. Он принадлежал к старому польскому роду (известен в Польше со второй половины XVI в.), давно обрусевшему. После окончания курса А. Ф. Кублицкий-Пиоттух был оставлен при университете, но ученой карьеры не сделал, а стал усердным и талантливым чиновником. У него был трезвый, положительный ум, практическая хватка, отличное юридическое образование. Это, вкуче с совершенно фантастической работоспособностью и абсолютной, кристальной честностью, обеспечило его быстрое и успешное продвижение по служебной лестнице. Начав службу чиновником 5-го класса в Удельном ведомстве, он в 1905 г. был назначен директором Лесного департамента. Вникая в самую суть своего дела, Адам Феликсович, как вспоминают современники, изъездил и исходил все леса России, став одним из крупнейших специалистов лесного хозяйства. С 1915 г. он сенатор. После революции профессор А. Ф. Кублицкий-Пиоттух (умер в 1932 г.) активно занимался научной работой в области лесного хозяйства и лесного права, работал и преподавал в Лесном институте. По заданию Госплана РСФСР им было составлено «Экономическое обозрение Северо-Западной области», опубликованы работы «Лесное хозяйство автономных республик РСФСР», «Лесной доход и местный бюджет», «Перерубы в лесах Ленинградской области» и многие другие¹⁶. Адам Феликсович принадлежал к тем государственным и хозяйственным деятелям России, которые старались до революции честной и активной работой противостоять губительной для страны хищнической хозяйственной политике царского правительства. Как и у его брата, отца Блока, Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттух, ставшего генерал-лейтенантом, командиром дивизии в первую мировую войну¹⁷, карьера А. Ф. Кублицкого-Пиоттух основывалась исключительно на его профессиональных качествах. Студент, родившийся в провинциальном Витебске, живший на жалование, получаемое от уроков, не имевший ни капитала, ни связей, ни протекции, он стал одним из видных деятелей России, конечно, не в силу каких-то «чиновничьих добродетелей», как иронически замечают некоторые исследователи жизни Блока, а благодаря ярким организаторским и деловым способностям и отличным званиям. Именно это помогло ему найти себя в созидательной работе в новом обществе. Блок записывает 11 октября 1918 г.: «Приехавший Адам Феликсович — совершенно на стороне Советской власти, рассказывает много интересного о том, что делается в Москве и России, где чехословацкие и английские вши только не дадут нам масла и хлеба» (ЗК, 431).

Не случайно Блок в сложные моменты своей жизни прислушивался к мнению психологически ему чуждого «позитивиста» и «практика» А. Ф. Кублицкого-Пиоттух, «дяди Адася», как он его называл в детстве и юности.

Адам Феликсович играл определенную роль в судьбе Блока. Именно он вел переговоры с отцом поэта А. Л. Блоком об условиях его развода с Александрой Андреевной. Юридические консультации А. Ф. Кублицкого-Пиоттух всегда были точны и квалифицированы.

В 1896 г. Блок ездил с Софьей Андреевной и двоюродными братьями в Нижний Новгород, на Всероссийскую художественную и промышленную выставку, где Адам Феликсович заведовал отделом Удельного ведомства. Это была одна из немногих и самых впечатляющих для Блока поездок по России, позже нашедшая отражение в пьесе «Песня судьбы». «Вчера весь день были на очень интересной выставке... пока в экспертизе все удельные вина идут первыми, — сообщал Блок матери, особо подчеркивая заинтересованность делом дядюшки, представлявшего в конкурсе вина имени Главного управления уделов¹⁸.

Разногласия Блока с Кублицкими и, в частности, с Адамом Феликсовичем, предопределялись кардинальным различием мироощущений. Позитивистское отношение к жизни, душевная трезвость были чужды и даже враждебны Блоку, поэту и человеку с отчетливо выраженным дисгармоничным мироощущением, считавшему, что чем неустроеннее жизнь художника, тем выше его искусство. Характерно, что самое резкое высказывание Блока об А. Ф. Кублицком-Пиоттух связано с его оценкой личности Владимира Соловьева. Как из-

вестно, Блок единственный раз видел Вл. Соловьева на похоронах родственницы Н. М. Дементьевой (урожденной Коваленской). Именно здесь произошел глубоко задевший его эпизод, который поэт упоминает трижды — в статье «Рыцарь-монах», «Заметках о Владимире Соловьеве» и в письме к Г. И. Чулкову от 23 июня 1905 г. «Передо мной шел большого роста худой человек в старенькой шубе, с непокрытой головой... на буром воротнике шубы лежали длинные серо-стальные пряди волос. Фигура казалась силуэтом, до того она была жутко непохожа на окружающее. Рядом со мной генерал сказал соседке: «Знаете, кто эта дубина? — Владимир Соловьев». Действительно, шестие этого человека казалось диким среди кучки обыкновенных людей, трусивших за колесницей» (V, 446). Эта реплика Адама Феликсовича оскорбила поэта. «Я чуть не убил его», — сообщает он в письме Г. И. Чулкову (VIII, 128). Отрицание «обыкновенными» людьми, «средними петербургскими кругами» (V, 685), к которым несомненно, по мнению Блока, принадлежал А. Ф. Кублицкий-Пиоттух, личности, религиозных и нравственных исканий Владимира Соловьева, было неприемлемо для поэта. Нам же этот случай помогает раскрыть причину антагонизма «позитивистов» и «прагматиков» Кублицких, естественно чуждых мистическому мирозерцанию, и Блока, которого неудержимо влекли «миры иные», «несказанное».

Но лежачие в плоскости мировоззренческой разногласия не мешали Блоку считаться, причем в самые разные годы, с мнением А. Ф. Кублицкого-Пиоттух. Он не раз обращался к дядюшке, консультируясь по различным вопросам, внимательно относился к его практическим советам и часто следовал им. Так, начав работать в Чрезвычайной следственной комиссии, Блок с интересом выслушал и дважды отметил (в письме к матери и в «Записной книжке») точку зрения на работу комиссии А. Ф. Кублицкого-Пиоттух. «Между прочим, — сообщал он матери, — Адам Феликсович, которого я опять видел (на вокзале), высказал (как он часто это делает) весьма интересную точку зрения на комиссию. Он очень точно (юридически) умеет формулировать свои мысли, так что мне не раз уж удавалось «наматывать на ус» его соображения. И на этот раз тоже»¹⁹ (VIII, 490). Прав А. Н. Шустов, утверждающий в журнале «Русская литература», что «отношение Блока к дяде Адаму не было поверхностным и постоянным, оно менялось с годами»²⁰ и, проследивая динамику этих отношений, мы можем смело утверждать, что А. Ф. Кублицкий-Пиоттух играл в жизни Блока большую роль, чем это было принято считать.

Безусловно, из семьи Кублицких, наиболее тесно общался Блок с двоюродными братьями Феликсом (его Блок, а затем и все родственники называли уменьшительным именем — Фероль) и Андреем.

Зимой в Петербурге братья жили довольно далеко друг от друга и встречались обычно на квартире Кублицких-Пиоттух по субботам. Ф. А. Кублицкий писал в воспоминаниях: «Сначала это были просто детские шалости, затем в моду вошли «представления». В Мариинском театре тогда шел балет «Синяя Борода», на который нас водили. И вот мы втроем — Саша и мы, братья, стали изображать этот балет. Особенно комичен был Саша, представлявший одну из жен Синей Бороды: он влезал на шкаф в нашей детской и оттуда махал руками и своими уже длинными ногами, изображая, как призывает на помощь с башни несчастная жена Синей Бороды» («Саша Блок»). Так в атмосфере детских театральных спектаклей, бывавших почти еженедельно, проходило детство поэта²¹.

Но особенно сближало братьев Шахматово, небольшая подмосковная усадьба А. Н. Бекетова, где постоянно проводили они лето²². Многие впечатления тех лет отразились позже в поэме «Возмездие», автобиографические мотивы которой очевидны.

Уже в детстве и ранней юности пробудилась в Блоке страсть к путешествиям по ближним и дальним окрестностям Шахматова: «Саша всегда старался забраться куда-нибудь подальше, в новые места, в глухие лесные дороги, открыть новые виды и дали, которыми так богата эта часть Московской губернии, — писал Ф. А. Кублицкий. — Большей частью эти поездки совершались под вечер, когда спадала жара, и лошадей меньше беспокоили мухи и слепни. Часто возвращались домой уже почти в темноте. Вставала полная красная луна, туман белой пеленой стлался вдоль речки и подбирался к усадьбе».

Несмотря на разницу в возрасте — Феликс был моложе Блока на четыре года, а Андрей — на шесть лет, они находили много общих занятий, среди которых были и уже упомянутые театральные постановки, и совместное с Феролем сочинение пьес, шарад, шуточных стихов и издание журнала «Вестник», активными сотрудниками которого были Фероль и Андрей Кублицкие²³, и просто многочисленные игры и забавы, которым самозабвенно предавались бра-

тя. «Блок долго играл в детские игры, увлекался ими сильно и всегда был зачинщиком и коноводом всех предприятий. Братья во всем его слушались и веселились с ним бесконечно. На всякие клоунические выходки и уморительные штуки он был великий мастер. Хохот почти не прекращался. Блок никогда не ссорился с братьями и относился к ним хорошо: никогда не действовал им на самолюбие, не дразнил их, не важничал и, даже шутя, никогда не ударил... Шалостей было очень много, но все какие-то безобидные»²⁴. Тесному общению не мешало и то, что Андрей Кублицкий был глухонемым от рождения (специально взятая учительница научила его говорить и понимать речь по губам)²⁵. Андрея Адамовича Блок особенно любил. Его мягкий, ласковый характер, доброта привлекали Блока и в более поздние годы, когда судьба развела его с друзьями детства и юности. С течением времени связи Блока с братьями стали более далекими²⁶. С 1911 г., после переезда Кублицких-Пиоттух из Шахматова в приобретенное неподалеку имение Сафоново, Блок не раз бывал там и один, и вместе с матерью и женой Любовью Дмитриевной. В Сафонове, на втором этаже дома, даже была специальная комната, где обычно останавливался поэт, любивший прогулки верхом по холмам от Шахматова через село Семеновское к Сафонову, расположенному за Рогачевским шоссе.

После революции, когда братья Кублицкие-Пиоттух обосновались на постоянное жительство в Москве, Блок в каждый свой приезд из Петербурга посещал их²⁷. Об этом сохранились скупые строки в дневниках и записных книжках поэта. «Мы много и подолгу разговаривали, — вспоминал Феликс Адамович. — Не во всем наши мнения сходились, но что никогда не могли мы забыть и что навсегда связало нас — так это счастливое, веселое детство и юность, проведенные в подмосковной глуши дедовской усадьбы». 1 мая 1921 г. Блок записал в дневнике: «Я был у Кублицких. Нежность Андрюши. Им живется плохо» (VII, 419). Это была последняя встреча Блока с двоюродными братьями.

Кублицкие-Пиоттух интересовались творчеством товарища своих детских игр. После гибели Шахматова они не раз ездили туда, стремясь найти и сохранить усадьбный архив Блока и семьи Бекетовых. В том же дневнике 1921 г., 3 января, Блок записал: «В маленьком пакете, спасенном Андреем из шахматовского дома и привезенном Феродем осенью: листки Любиных тетрадей (очень многочисленные). Ни следа ее дневника. Листки из записных книжек, куски погибших рукописей моих, куски отцовского архива... кое-какие черновики стихов... На некоторых — грязь и следы человеческих копыт (с подковами). И все» (VII, 389). Это был последний материальный знак любимого погибшего Шахматова, о котором поэт «обливался слезами по ночам», спасенный и доставленный в Петроград теми, с кем на заре жизни так весело и беззаботно проводил он счастливые летние месяцы в «благоуханной тиши» маленькой усадьбы²⁸.

В стремлении понять личность Блока, прояснить феномен его «пути» литературоведы и биографы исследовали многие подробности жизни поэта, отношение с современниками, личные и литературные связи. Наиболее конкретные сведения о детстве, отрочестве, юности Блока и его семье содержат работы М. А. Бекетовой «А. Блок», «А. Блок и его мать», «Шахматово. Семейная хроника» (последняя опубликована в кн. 3 наст. тома). Неприятительно, но точно передается в них обстановка, в которой рос будущий поэт, раскрываются его отношения со сверстниками, родственниками и знакомыми.

М. А. Бекетова и другие мемуаристы подчеркивают свободный, непосредственный характер отношений юного Блока с двоюродными братьями Кублицкими-Пиоттух, постоянные розыгрыши, шутки, юмор, которые сопутствовали их общению. Именно этими чертами отмечены и публикуемые письма Блока к Андрею Кублицкому-Пиоттух. Читая их, мы как бы слышим голос молодого Блока, веселого юноши, умевшего и любившего смеяться, радоваться самым обыденным вещам. «Художник должен быть трепетным в самой дерзости, — говорил Блок в своей речи «О современном состоянии русского символизма», — зная, чего стоит смешение искусства с жизнью, и оставаясь в жизни простым человеком» (VI, 435—436). Простого, непосредственного Блока узнаем мы из этих писем. Это тот Блок, который любил сочинять пародии, литературные шаржи, карикатуры, обожавший возню и «простую веселость»; Блок — автор поэтичных и ясных детских стихов; Блок, любивший работать в саду, поле, знавший цену любому труду. «Работа везде одна, — говорил он, — что печку сложить, что стихи написать»²⁹.

Конечно, адресуясь к младшему брату Блок несколько «подстраивается» под его уровень, лексика писем проста, содержание посланий подчеркнуто-бытовое (что дает нам сейчас немало ценных сведений биографического характера). При публикации опущены письма,

кроме трех, написанные в подражание особой системе (с нарушением правил грамматики, отрывочными, как бы рублеными фразами), по которой учили говорить, читать и писать глухонемого Андрея Кублицкого.

Особый интерес приобретают эти письма, если учесть, что некоторые из них относятся ко времени создания стихов, вошедших в первый том лирики Блока, а одно писалось «мистическим летом» 1901 г. Казалось бы, романтически настроенный юноша, поющий песни Деве, живущей на высокой горе за зубчатым лесом, должен быть далек от «мирских» дел и забот. Но не следует считать Блока того времени лишь очарованным рыцарем Прекрасной Дамы. Лето 1900 г., до отъезда братьев Кублицких-Пиоттух в Барнаул, прошло в постоянных забавах и мальчишеских дурачествах. «Все три брата, — пишет М. А. Бекетова, — ездили вместе верхом, устраивали смешные представления на шахматовском балконе, много хохотали»³⁰. Этим настроением наполнены и многие письма Блока. Искреннее веселье, шутливые прозвища, которыми награждал Блок младших братьев, вполне естественно уживались с видениями Прекрасной Дамы и в «мистическое лето» 1901 г. Все письма выдержаны в духе бывших с братьями шутливых отношений. Полные житейских подробностей и, на первый взгляд, малозначащих деталей, они как бы вскрывают «второй план» духовной жизни юного Блока — интерес к земному, обыденному. Таких писем более Блок не писал никогда — они действительно уникальны.

Но восприятие этих «детских» писем ни в коей мере не может быть полным без сопоставления их с сохранившимися письмами Блока к тете, матери двоюродных братьев — Софье Андреевне Кублицкой-Пиоттух. В письмах к Софье Андреевне, часто написанными в одно время с посланиями брату, молодой Блок предстает взрослым, трезво и практически мыслящим человеком, чья «детскость» отношений с более младшими родственниками является не чем иным, как очень тактичной и умной игрой. Именно письма к С. А. Кублицкой-Пиоттух наилучшим образом комментируют письма Блока брату, создают выразительный фон для толкования и уяснения его весьма своеобразной переписки с детьми. В целом же весь корпус этой сохранившейся далеко не полностью переписки многое проясняет в характере молодого Блока. Письма этим двум адресатам неразделимы, поэтому ниже в приложении даны уже однажды напечатанные восемь писем к тете поэта как своеобразный и необходимый комментарий к его посланиям младшему брату.

Характеризуя блоковские документы в своем семейном архиве, Ф. А. Кублицкий комментировал: «...22 письма А. А. Блока к А. А. Кублицкому 1895—1901 гг. шутливо-интимного содержания. В детстве А. Блок и братья дразнили и обзывали друг друга шутя разными невинными ругательными словами, что и отразилось в письмах. В письмах есть также намеки на сцены из разных драматических пьес с известными артистами (Писарев, Давыдов, Варламов и др.). Письма содержат биографический материал. Одно письмо с рисунками»³¹.

Феликс Адамович Кублицкий-Пиоттух, юрист, литератор, переводчик (он закончил в 1905 г. императорское училище Правоведения)³², написал небольшие воспоминания о Блоке. Вместе с А. А. Кублицким-Пиоттух он составил генеалогическую таблицу рода Бекетовых, сохранил в семейном архиве богатый иконографический материал, связанный с Блоком и Бекетовыми. В настоящее время материалы архива Кублицких-Пиоттух рассредоточены и находятся в Государственном литературном музее, Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), мемориальном музее-квартире А. А. Блока в Ленинграде, частных собраниях.

К сожалению, нам известны далеко не все письма Блока к Кублицким-Пиоттух. Так почти полностью в конце 1930-х годов, за исключением нескольких открыток, которые хранятся в мемориальном музее-квартире А. А. Блока, утрачены письма к Ф. А. Кублицкому-Пиоттух (их, по сообщению самого адресата, было около 30); из нескольких десятков до нас дошло лишь восемь писем к Софье Андреевне Кублицкой-Пиоттух (семь из них находятся в отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) (р. 1, оп. 3, ед. хр. 33) и одно — в Мемориальном музее-квартире А. А. Блока). За исключением одного (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 293), не сохранились и ответные письма³³. Утрачены, кроме упоминавшихся выше двух, и все книги Блока с автографами, находившиеся в библиотеке Кублицких. По воспоминаниям Ф. А. Кублицкого-Пиоттух, некоторые автографированные сборники имелись в их библиотеке в нескольких экземплярах (Блок дарил книги разным членам семьи).

Публикуемые письма к А. А. Кублицкому-Пиоттух (кроме одного) находятся в Отделе

рукописей. Государственного литературного музея, поздравительная открытка без даты и письма от 11/23 августа 1897 г. были переданы мной в собрание Н. П. Ильина, откуда поступили в Мемориальный музей-квартиру А. А. Блока в Ленинграде, две поздравительные открытки хранятся в собрании Е. В. Лидиной.

Письма к С. А. Кублицкой-Пиоттух (см. «Приложение») с очень кратким комментарием и некоторыми неточностями были опубликованы в 1927 г. в первом томе «Писем Александра Блока к родным» и не входили в другие издания.

Р. В. Иванов-Разумник точно заметил в статье о дарственных надписях Блока: «...Драгоценна каждая тропинка, которая помогает нам приблизиться к вершинам»³⁴. Одна из таких «тропинок» — письма Блока к членам семьи Кублицких-Пиоттух. Они весьма существенны и для характеристики среды, в которой происходило становление поэта.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В несколько сокращенном виде воспоминания Ф. А. Кублицкого «Саша Блок» опубликованы в сб. «Александр Блок в воспоминаниях современников». М., 1980, т. 1. В нашей работе цитируется по авторизованному машинописному экземпляру (собрание В. П. Енишерлова).

² Собрание В. П. Енишерлова.

³ См. наст. т., кн. 1, с. 246—247.

⁴ См. наст. т., кн. 3, с. 91.

⁵ Там же, с. 620.

⁶ Там же, с. 626.

⁷ Там же, с. 666.

⁸ Александра Петровна Енишерлова — жена двоюродного брата матери Блока Н. М. Енишерлова.

⁹ «Блоковский сб.» 2, с. 439.

¹⁰ Письмо хранилось в архиве Ф. А. Кублицкого-Пиоттух. Местонахождение в настоящее время неизвестно. Цит. по копии (Собрание В. П. Енишерлова).

¹¹ См. наст. т., кн. 3, с. 624.

¹² «Эпопея». Литературный ежемесячник. М.— Берлин, № 1, 1922, с. 247.

Ф. А. Кублицкий-Пиоттух писал: «Вспоминается приезд в Шахматово к Блокам Б. Н. Бугаева (Андрея Белого), одного или с А. С. Петровским и с С. М. Соловьевым, студентом Московского университета. В один из своих приездов Бугаев поразил всех своим необычным костюмом. На нем была надета белая длинная блуза из очень прозрачной материи, сквозь которую просвечивало тело и которая от ветра заворачивалась сзади. На груди был большой черный крест на черной цепи, как у богомольца. Бугаев был изысканно вежлив и любезен, целые дни и ночи у него шли с Блоком разговоры на мистические и литературные темы» («Саша Блок»).

¹³ Диплом Петербургского университета об окончании курса юридического факультета со степенью кандидата № 9141 от 19 ноября 1879 г. С 1880 г. по 1882 г. А. Ф. Кублицкий-Пиоттух состоял магистрантом Петербургского университета для приготовления к профессорскому званию и выдержал экзамен на магистра. (Трудовой список А. Ф. Кублицкого-Пиоттух. Составлен 10 мая 1927 г. Собрание В. П. Енишерлова).

¹⁴ K. N i e d ź w i e s k i. «Ze wspomnień». Warszawa, 1931, с. 11—13. Профессор Базыли Бялокович в содержательном и подробном исследовании «Польша и поляки в сознании Александра Блока» («Przegląd Rusycystyczny», Rocznik V, zeszyt 1—4 (17—12). Warszawa — Łódź, 1983, с. 13—17) подчеркивает, что детские и отроческие годы Блока проходили в тесном общении с родственниками польского происхождения — Кублицкими, Лозинскими, Недзвецкими. К. В. Недзвецкий, чьи мемуары не переведены на русский язык, женился на двоюродной сестре матери Блока — А. М. Енишерловой, воспитывавшейся после смерти матери в доме А. Н. Бекетова. Возможно, что и эти детские впечатления в какой-то, хоть и малой мере, повлияли на устойчивый интерес Блока к Польше.

¹⁵ Дату приводит А. Н. Шустов в статье «Комментарии требуют уточнения». «Русская литература», 1983, № 1, с. 250.

¹⁶ Список научных трудов члена секции лесного хозяйства Госплана РСФСР А. Ф. Кублицкого-Пиоттух (Собрание В. П. Енишерлова).

¹⁷ В авторизованном машинописном экземпляре воспоминаний о Блоке Ф. А. Кублицкого находится не вошедшая в опубликованный текст характеристика отчима поэта Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух: «Это был добрейший, славный человек. Гвардейский офицер, он без всяких связей и знакомств, без протекции дослужился до звания генерал-лейтенанта. Я помню, с каким волнением все мы ждали во время первой мировой войны сообщений из Галиции, где сражалась дивизия Франца Феликсовича. Он храбро воевал и как-то приехал в Петербург в шинели, забрызганной кровью.

Саша очень хорошо относился к своему отчиму, «милому Францику», ценил его мягкий, добрый характер, его честность и прямоту. Франца Феликсовича недаром сравнивали с Дон Кихотом, и не только внешне походил он на знаменитого испанского идадьго. Не случайно, конечно, когда Блок написал драму «Роза и крест», многие увидели в образе ее героя Бер-

трана характерные черточки Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух... К сожалению, почти все письма его пропали, но сохранились в нашем семейном архиве фотографии Франца Феликсовича. в том числе и очень интересные, где изображен он с юным Блоком и его матерью, и редчайшие — с фронга. Последние хранились сначала у матери поэта, а после ее смерти их передала нам с некоторыми бумагами блоковского и бекетовского архива Мария Андреевна Бекетова («Саша Блок»).

¹⁸ В воспоминаниях Ф. А. Кублицкий пишет: «Поездка в провинцию была для мальчиков новостью, так как, кроме Петербурга и деревни, они почти не знали России. И дорога, и город на берегу Волги возбуждали интерес. Нарядные выставочные павильоны, толпы, обеды в ресторанах — все это было ново и казалось привлекательным. Помнится, с большим интересом мы с Сашей осматривали железнодорожный павильон. Как большинство мальчиков, нас привлекала железная дорога. В большом прохладном павильоне стояло множество чистеньких ж. д. вагонов и паровозов, и мы с Сашей с большим удовольствием беспрепятственно лазили по ним и осматривали всевозможные подробности.

Кроме посещений выставки, прогулок по городу и на гору с видом на Волгу и Оку, мы побывали в Драматическом театре. Играла труппа Московского Малого театра с Южиным и Лешковской, шла пьеса Вл. И. Немировича-Данченко „Цена жизни“... Саша, при выходе на сцену каждого артиста, делал воплолоса, но с полным авторитетом, замечания, как эту роль, по его мнению, исполнили бы в Александринке (например Савина, Аполлонский и др.), чем немало импонировал мне своим знанием театра» («Саша Блок»).

¹⁹ В «Записной книжке» 7 мая 1917 г. Блок «расшифровал» точку зрения своего «ядюшки»: «Очень интересно мнение сенатора А. Ф. Кублицкого-Пиоттух (на вокзале) о Чрезвычайной следственной комиссии как скандальном учреждении: „Повесят“, — потом выражение смягчено — людей юридически невинных. Предъявить обвинение можно к Протопопову, Сухомлинову, пожалуй, Щегловитову, но в чем виноват, например, Стишинский? Просто крайние правый, хотя и неприятный. Вырубова, конечно, мерзавка, но кому какое дело, что она жила с Распутиным? Таким образом, я вижу уже, что Чрезвычайная следственная комиссия стоит между законной и молотом истории. Положение весьма революционное» (ЗК, 321—322).

²⁰ «Русская литература», 1983, № 1, с. 17.

²¹ Детским, ранним спектаклям, в которых участвовал Блок, дальним предшественникам «бобовского театра», во многом определившим его судьбу, посвящены страницы в целом ряде мемуаров. Пишет о них и самая юная участница этих спектаклей О. К. Самарина (Недзвецкая): «Появление Сашуры означало нечто неожиданное, выходящее из обычных рамок... Понятно, что он сразу становился командиром и весьма энергичным заводилой. Очень страшно было сидеть на высоченном шкафу лет пяти в виде Джульетты на балконе — а по лестнице (стулья, комод, шкаф, покрытые ковром) пробирался ко мне семилетний Ромео — сын тети Софы... Помню, как двоюродные братья скандировали в белых тогах (простыни) «греческие» стихи Козьмы Пруткова, помню размеренные жесты и длительные, застывшие позы: конечно инцидатором и режиссером был Сашура.

Потом уже дошли до постановки на французском языке одной из комедий Лабиша «А'Грамматика».

Сашура изображал моего отца — безграмотного любителя-археолога. И надо сказать, изображал хорошо. По ходу действия ему приходилось потрясать в восторге «только что найденным» обломком старинной вазы — ничем иным как частью вполне неопознанного ночного горшка. Надо было видеть эту восторженную серьезность и, казалось, несказанное удивление тому, что зрители вздумали хотеть при виде этой „древности“» (цит. по авторизованному машинописному экземпляру. Собрание В. П. Енишерлова).

²² Ф. А. Кублицкий пишет: «Большинство наших воспоминаний о Саше Блоке связано с Шахматовым, небольшим именем нашего общего деда А. Н. Бекетова, куда нас троих привозили каждый год — примерно в мае, и где мы оставались до конца августа или начала сентября, вместе играя и резвясь в чудной деревенской обстановке. Первой приезжала в деревню бабушка. Затем повнемогу съезжались прочие члены семьи. Вновь приезжающих все ранее приехавшие выходили встречать на дорогу, ждали, прислушивались к колокольчику. Когда усталая тройка лошадей в забрызганной коляске въезжала во двор, яростно лаяли дворные собаки, раздавались шумные приветствия, а мальчики тотчас с восторгом бежали в сад, во флигель, в любимые места, наслаждаясь деревенской обстановкой после городской зимы. Начиналась для детей счастливая летняя пора; никаких занятий и уроков; полная свобода, все удовольствия деревенской жизни.

Дедушка и бабушка Бекетовы, приезжая на лето в деревню, стремились к одиночеству и отдыху от людей, которые их утомили за зиму в Петербурге. Всегда подчеркивалось, что мы живем «в деревне», а не на даче. Дачная жизнь была синонимом пошлости. Особенно в отношении одиночества была нетерпима бабушка Елизавета Григорьевна, весьма строго и остроумно, но не всегда справедливо оценивавшая людей. Поэтому гостей в Шахматове бывало всегда очень мало, а с соседями почти совершенно не знались. В этом сказывалась бекетовская исключительность, строгость и требовательность к людям, проявившаяся впоследствии так остро в характере Саши Блока (...). Саша очень любил разные затеи. На дворе в Шахматове была большая куртина из кустов шиповника, сирени, корнуса и спиреи. В этой куртине мы устроили ряд извилистых ходов, площадок и укрытий „для защиты от разбойников“. Этой организацией мы вызвали неудовольствие со стороны бабушки, которая находила, что куртина может служить действительно хорошим укрытием, но лишь для кур и цыплят от налетов

коршуну; мы же нашими упражнениями разогнали кур, которые перенесли свои действия в сад. Но и из сада куры тщательно изгонялись, причем особенно рьяно этим занимался Саша. Гоняясь за курами, в сопровождении отчаянно лаявшей таксы Крабба, он говорил: „Мы с Краббом теперь как братья Гонкуры“ <...> Из игр одно время сильно увлекались крокетом, но потом он всем надоел. Устроенная на лужайке гимнастика больше привлекала Сашу. Он любил проделывать упражнения на кольцах и на трапеции» («Саша Блок»).

²³ См. об этом: наст. т. кн. 1, с. 203.

²⁴ М. А. Бекетова. Александр Блок. Л., 1930, с. 42—43.

²⁵ Сохранилось свидетельство, выданное 8 мая 1900 г. директором Петербургского училища глухонемых: «Дано сие Андрею Адамовичу Кублицкому-Пиоттух 14-ти лет, в том, что он, по произведенному испытанию, оказал успехи в чтении с губ, письме и грамоте весьма удовлетворительные...» (Собрание В. П. Енишерлова).

²⁶ Рубежом их отношений стали, видимо, 1900—1902 гг., проведенные братьями Кублицкими-Пиоттух в Барнауле, где работал их отец, М. А. Бекетова писала: «...За те два года, которые семья Софьи Андреевны провела в Сибири, братья потеряли всякую связь. Их сближали только игры, и когда прошел юношеский возраст, они разошлись, стали чужды друг другу» (М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 75—76).

²⁷ В оба своих последних приезда в Москву в 1920 и 1921 гг. Блок бывал у Кублицких в их квартире в Трубниковском переулке, д. 30, кв. 12. 12 мая 1921 г. он писал матери: «Я был у Каменевых в Кремле и у Кублицких. Им живется, по-видимому, хуже, Адам Феликсович совсем старый. Андрей был очень нежен и трогателен. Фероль худой и злится» (VIII, 534).

²⁸ Феликс Адамович и Андрей Адамович много помогали исследователям жизни и творчества Блока, особенно его шахматовского периода. Первый очерк о Шахматове, написанный Г. П. Блоком, целиком основан на материалах, сообщенных братьями Кублицкими. К ним обращались многие литературоведы и всегда получали исчерпывающие и точные сведения. В частности, очень ценны для начавшегося восстановления Шахматова схемы расположения усадебных построек, насаждений и т. д., выполненные Ф. А. Кублицким. Он постоянно вместе с братом ездил в Шахматово и после гибели усадьбы (в записках братьев, например, зафиксированы поездки в 1936, 1948, 1952 гг.) и, прекрасно ориентируясь в том, что осталось от Шахматова, сумел подготовить документы, ныне неоценимые для реставраторов.

В ЦГАЛИ хранится письмо Ф. А. Кублицкого-Пиоттух к одному из первых исследователей Шахматова, автору работ об усадьбе и шахматовской библиотеке поэта П. А. Журову (ф. 55, оп. 3, ед. хр. 64):

«Многоуважаемый Петр Алексеевич, очень охотно я и мой брат поделимся с Вами теми сведениями о Шахматове, которыми мы располагаем и которые Вас интересуют. Мария Андреевна мне давно писала о Вас <...> О судьбе Таракановской церкви сейчас ничего не знаю, но через месяц, вероятно, буду в курсе <...> Уважающий Вас Ф. Кублицкий. Москва 28 июня н. ст. 1929». За сообщение письма приношу благодарность А. Е. Парнису.

В архиве и собрании Кублицких-Пиоттух были многие шахматовские реликвии, в том числе и около ста книг из шахматовской библиотеки Бекетовых — Блока. Некоторые памятные блоковские вещи подарила братьям М. А. Бекетова. В свое время среди Кублицких-Пиоттух я обнаружил письмо, адресованное ею Андрею Адамовичу: «Милый Андрюшечка, посылаю тебе с Дюшэном Сашину старую-престарую рубашку... Она с заплатами, в детство, в пятнах, которые нельзя отмыть, но я думаю, что ты все-таки будешь ее носить, потому что она очень напоминает Сашу: он в ней работал, рубил деревья, сажал цветы, косил. Напиши мне, было ли тебе приятно ее получить, несмотря на все... Мне очень хотелось послать Феролу «Записные книжки» Блока, но их нет в продаже (я искала везде), поэтому посылаю ему свою книгу с Сашиними статьями, которую ему приятно будет иметь...» Упоминаемый в письме Г. Дюшэн — юрист, товарищ Ф. А. Кублицкого-Пиоттух по Императорскому училищу Правоведения. Это письмо и знаменитую вышитую узором с лебедями рубашку Блока, подаренную в свое время мне Ф. А. Кублицким-Пиоттух, я передал в собрание Н. П. Ильина, откуда они со многими другими шахматовскими реликвиями и документами поступили в Мемориальный музей-квартиру А. А. Блока в Ленинграде. Книга статей Блока, посланная М. А. Бекетовой, находится в моем собрании. (Александр Блок к. Собр. соч., т. VII, Алконост, 1923. Статьи. Книга 1-я, 1906—1921).

²⁹ Мемуаристы, близко знавшие поэта и в юности, и в более поздние годы, отмечали, что Блок в обществе и у себя дома, в интимном кругу — два разных человека. Переход от одного настроения к другому бывал у него очень быстр: «...легко могло случиться, что утром или днем от нашего самого мрачного стихотворения, а к вечеру развесятся и начнет шалить» (М. А. Бекетова. Веселость и юмор Блока. Изд-во «Никитинские субботники», 1925. Отдельный оттиск). Ф. А. Кублицкий, вспоминая молодость Блока, также отмечал характерные черты двоюродного брата: «Саша почти всегда не любил общих прогулок. Охотно гулял он лишь с дедушкой Бекетовым. Это стремление к уединению росло с годами. Позднее с женой он совершал далекие прогулки. Собаки всегда его сопровождали.

Когда летом были свежие или дождливые вечера, мы втроем после чая забирались в гостиную («голубой комнате») на старинный красное дерево диван, где по бокам лежали два мягких валика и было много подушек, и начинали бросаться ими и тузить друг друга. Наши матери и тетушки со смехом, но не без страха, опасаясь, как бы подушки не попали в окно или лампу, наблюдали за нами. Саша необычайно ловко и метко тузил нас с братом, нежн-

давно швыряя в нас подушки и тяжелые валики с разных сторон. В этом занятии мы так бывало расходились, что было трудно унять нас и отправить спать.

Саша был весьма непрочь от занятий физической работой, временами он даже увлекался ею. Рубил кусты, пилил деревья, окапывал лужайки и цветники, расчищая заросли в саду к ужасу бабушки, не любившей «чрезмерную», по ее мнению, культуристость садовой природы и считавшей, что надо оставить все, как было ранее и как само растет. Саша собственноручно с братом Андреем свел небольшую, но очень хорошую березовую рощу под садом. Взрослые приходили в ужас от такого «вандализма», но впоследствии сами были очень ему рады, так как благодаря этому открылся далекий и широкий вид с балкона и из дома:

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревьев.
(«Возмездие»)

Дверь из столовой на балкон действительно открывалась с каким-то звенящим звуком («Саша Блок»).

³⁰ М. А. Бекетова. Александр. Блок, с. 75—76.

³¹ Опись иконографических и рукописных материалов, относящихся к А. А. Блоку и его семье. (Из семейного архива Ф. А. и А. А. Кублицких в Москве), с. 3. Собрание В. П. Енишерлова.

³² Приказ по ведомству Министерства юстиции от 27 мая 1905 г., № 18.

³³ С. А. Кублицкая-Пиоттух писала Блоку 16 июля 1918 г. из деревни Сафоново: «Милый Саша! Очень большое тебе спасибо за присылку «Нашего Пути». Фероль также очень благодарен. Нам обоим очень хотелось его иметь и, особенно, познакомиться с твоими последними произведениями. Целую тебя и желаю всего лучшего. Любящая тебя тетя Софа». В первом номере журнала «Наш путь» (апрель 1918 г.) были опубликованы поэма «Двенадцать» и «Скифы» Блока, а также его статья «Интеллигенция и революция». Экземпляр, посланный Блоком, сохранился (собрание В. П. Енишерлова). Судя по почтовому штемпелю, он был получен адресатами через ближайшее к Сафонову почтовое отделение в селе Обольяново.

³⁴ Р. В. Иванов-Разумник. Вершины (Александр Блок и Андрей Белый) Пг., «Колос», 1923, с. 246.

БЛОК — А. А. КУБЛИЦКОМУ-ПИОТТУХ

1

2 апреля 1895 года

Редактор журнала «Вестник»¹ поздравляет с праздником г-на зав. карт. отделом² и желает всего хорошего.

Редактор А. Б л о к

¹ М. А. Бекетова пишет: «В последних классах гимназии Блок начал издавать рукописный журнал «Вестник». Редактором был он сам, цензором — мать, сотрудниками — двоюродные братья, мальчики Лозинский, Недзвецкий, Сергей Соловьев, мать, бабушка, я, кое-кто из знакомых. Дедушка участвовал в журнале только как иллюстратор, и то редко. Все номера «Вестника», по одному экземпляру в месяц писались, склеивались и украшались рукой редактора... Всякого, кто присмотрится к «Вестнику», кроме талантливости и остроумия редактора, поразит и то обстоятельство, что в шестнадцать лет уровень его развития в житейском отношении подошел бы скорее мальчику лет двенадцати» (М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 51).

Подробнее о журнале «Вестник» см. наст. т., кн. 1, с. 203.

² Андрей Кублицкий-Пиоттух неплохо рисовал. Сохранился целый ряд его работ, выполненных в Шахматове карандашом, акварелью и масляными красками. Им сделаны некоторые иллюстрации в «Вестнике».

2

⟨Апрель 1895 г.⟩

Дорогой Андрияша!

Целую также крепко! Я не писал «Вестник» февраль и март, потому что ленивый. Пожалуйста, пиши апрель «Вестник». Гимназия — скучно. Ты забавник и смеха⟨ч⟩! Прощай.

Твой С а ш у р а¹

¹ Это письмо, как и два следующих, написаны Блоком упрощенно, в соответствии с системой, по которой учили читать и писать глухонемого Андрея Кублицкого-Пиоттух.

〈Август 1895 г.〉

Дорогой Андрюша!

Я думаю, ты Петербург здоров. Фероль скоро гимназия — жаль. Шахматово погода очень хорошая, я много работал. Диана щенков можно видеть очень хорошо, весь толстый, кричит много и много кушает и спит.

Орел очень грязный и все кровь голова — больно. Пик¹ очень маленький, глупый, очень любит дедушку и был кровать. Саша — спал очень хорошо утром 1-го сентября. Шахматово новый дом был работает пять работников. Дом очень красивый и крыша белая.

Андрюша, дай мне письмо, пожалуйста. Я скоро буду в Петербурге — сентябрь 10. Прощай.

Целую. Твой С а ш у р а

¹ Диана, Орел, Пик — собаки, любимцы Блока.

В детской записной книжке (1894) Блок, пародируя стихотворение Пушкина «Ангел», пишет о шахматовских собаках:

В дверях конурки Лебедь белый	Дух объеданья, нетерпенья,
Главой поникшею болтал,	На духа грязного взирал,
Орелка ж, грязный и дебелий,	Взор зависти и вожделенья
По кухне бешено скакал.	Туда он изредка бросал.

(Собрание В. Н. Орлова)

Шахматово. 1897. 11 (23) Августа. Понедельник.

Дорогой Андрэй!!!

Здравствуй. Пожалуйста пиши письмо. Письмо был хорошо; в Шахматове хорошая погода. Я не знаю, кто отец Орелки и сын Арапки? ¹ Пожалуйста пиши, кто? Ты написал, что в Мариенбаде ² много русских и евреев. Пожалуйста целый всех. Тебе очень весело, и мне тоже: я и тетя Липа всегда театр много ³. «Мари» ⁴ Москва долго, все много, всегда Москва, может 1900 также Москва!

Балет «Синяя Борода» ⁵ играет можно, потому-то я маленький мальчик-«спальчик». Целую тебя, маму, папу, Фероля и всех русских, а также евреев. Будь здоров, пиши письмо. Прощай, Мариенбад!

Твой С а ш у р а

Феликс Фор (теперь Петербург) ⁶

¹ Орелка и Арапка — дворовые шахматовские собаки. «Перед отъездом в деревню из города, после гимназических экзаменов он (Блок.— В. Е.) приходил в радужное и особенно шаловливое настроение. Да ведь и то сказать — сколько радостей давало ему пребывание в Шахматове: воля, поля, леса, походы за грибами, верховая езда, катание в тележке и, наконец, собаки, из которых самая любимая была Дианка. Один из ее щенков, чернобурый Арапка, родившийся осенью, когда все еще были в сборе, составлял предмет бесконечных радостей и забав Блока и его двоюродных братьев. Впоследствии из него вышел огромный мохнатый пес. В Шахматове происходили и бесконечные игры с братьями Кублицкими — игры и мирные и воинственные <...> Само собой разумеется, что Саша Блок был зачинщиком и изобретателем всех игр и шалостей младших братьев. Тут же между играми, вероятно в дождливую погоду, писались стихи и проза для „Вестника“ и сооружались летние номера журнала» (М. А. Б е к е т о в а. Шахматово. Семейная хроника. Л. Н., т. 92, кн. 3, с. 766). Она же точно замечает, что «все лучшее, написанное Блоком в детском и отроческом возрасте, носит явный след влияния Шахматова» (там же), содержит прямые отголоски шахматовских общений и впечатлений. И позже в поэме «Возмездие», произведении автобиографического характера, явственно отзвук детских шахматовских впечатлений поэта.

² Мариенбад — курорт, на котором во время заграничного путешествия некоторое время жили Кублицкие. Путешествие братьев Блока проходило по маршруту: «Петербург — Верх-Болово — Берлин — Дрезден — Мариенбад — Мюнхен — Баденское озеро — Люцерн —

Ф. А. И А. А. КУБЛИЦКИЕ-ПЛОТТУХ,
ДВОЮРОДНЫЕ БРАТЯ БЛОКА

Фотография, 1900-е годы
Частное собрание, Москва

недра смерти...» Желание играть охватило его с необычайной силой» («А. Блок и его мать», с. 65).

⁴ *Marie Kuhn* — гувернантка братьев Кублицких-Плоттух, очень любившая своих воспитанников и Блока.

⁵ «Синяя Борода» — балет. Музыка П. Шенка, постановка М. Петипа. В 1896—1897 гг. шел на сцене Мариинского театра.

⁶ Феликс Фор — президент Франции, бывший в 1897 г. с визитом в России.

5

(11 мая 1899 г.)

Андрей Адамович! Поздравляю тебя и желаю тебе быть здоровым и не рисовать стыдное. Я скоро приеду в Шахматово. В Петербурге опять зима, идет снег и холодно. Целую тебя и всех. Скажи Феролю, что он свинья. Прощай.

11 мая 99 г.

Твой Сашура

6

27 июля 1899 г. Шахматово

Дорогой Андрияша!

Прости пожалуйста мне, что я долго не писал тебе, но я большой лентяй. Спасибо тебе за твое письмо, но ты пишешь столько стыдного, что я много раз покраснел. Тетя Липа ¹ также читала твое письмо, но не покраснела. Что ты делаешь теперь в Гапсале? ² Приятно ли тебе быть там? Какая у вас погода? У нас очень плохая, холодно и цветы плохо растут. Я думаю, что скоро поеду

к тете Соне ³ в Трубицыно ⁴ вместе с Сереей ⁵ и буду там несколько дней. Я думаю, что в Петербурге теперь приятнее, чем в Шахматове. Скоро приедут тетя Липа и тетя Маня ⁶ из Петербурга, они взяли там большую квартиру на Васильевском острове.

Пик ⁷ кланяется тебе, собакам и ежам. Недавно я сильно бил Арапку и Орелку — потому что они кусали лошадь гудинского мужика Никиты ⁸. Лошадь испугалась и побежала очень скоро, чуть не сломала телегу, а Никита испугался, прыгнул из телеги и у него немного заболела шея. Лошадь остановилась далеко в поле. Никиту очень жаль, потому что он бедный, большой и старый, у него болят ноги. Теперь Арапка меня боится, а Орелка машет хвостом и ворчит, когда я его ласкаю. Арапка плохая собака, он кусает лошадей и рвет платье у баб. Надо посадить его на цепь, потому что он очень большой и сильный и может больно кусаться. Но большие собаки также, однако, кланяются тебе, преимущественно Орелка. Я очень тебя люблю и хочу видеть тебя и твою маму, но не хочу видеть твоего старшего брата Фероля, потому что он свинья! Скажи ему это, пожалуйста.

Я ежжу в Боблово ⁹ иногда на Гнедом, потому что Мальчик ¹⁰ плохо ходит и брыкается задними ногами. Серый кушает много, но ничего не делает. Бурый очень много работает, также и Косья довольно много. У нас есть маленькие цыплята, но Пик не кушает их. Очень странно!

Сорок и коршунов также очень много, они лучше умеют кушать кур, чем Пик.

Целую тебя, поцелуй, пожалуйста, маму и скажи Феролю, что я тебя просил.

Твой С а ш у р а

¹ См. п. 4, прим. 3.

² Лето 1899 г. братья Кублицкие-Пиоттух проводили сначала в Шахматове, а затем на курорте Гаапсаль (Эстляндия), где жили в пансионе Кюблоков.

³ Софья Григорьевна Карелина (1826—1915) — сестра Е. Г. Бекетовой, двоюродная бабушка Блока и братьев Кублицких-Пиоттух.

⁴ Трубицыно — подмосковное имение С. Г. Карелиной неподалеку от тючевского Муранова. Ф. А. Кублицкий вспоминал: «Был он также и в маленьком именье тетушки Софьи Григорьевны Карелиной (тети Сони) Трубицыне. Она между прочим, пыталась ввести его в семью своих соседей и приятелей Тючевых («Мураново»), сына поэта, но Сашу не удалось уговорить съездить к ним» («Саша Блок»).

⁵ Сергей Михайлович Соловьев — троюродный брат Блока, Феликса и Андрея Кублицких-Пиоттух.

⁶ Мария Андреевна Бекетова.

⁷ Пик — такса. Ф. А. Кублицкий вспоминал: «У дедушки была такса Пик. Умная и веселая собака особенно любила Сашу. После смерти дедушки Пик сделался угрюмым. Он был привязан более всего к Саше, охотно всегда гулял с ним. Когда Пик в старости умирал (от сердечного приступа), присутствовали все шахматовские обитатели, в том числе и Саша. Пик перед последним вздохом взглянул на Сашу и опрокинулся на бок. Его похоронили в саду и на могилу положили камень» («Саша Блок»).

⁸ Крестьянин из соседней с Шахматовым деревни Гудино.

⁹ Боблово — имение Д. И. Менделеева. Любовь Дмитриевна Блок писала: «Лето 1899 года, когда по-прежнему в Боблово жили „Менделеевы“, проходило почти так же, как лето 1898 года, но, с внешней стороны, не повторялась напряженная атмосфера первого лета и его первой влюбленности. Играли „Сцену у фонтана“, чеховское „Предложение“, „Букет“ „Потапенки“ («Из воспоминаний Л. Д. Менделеевой-Блок». ЛН, т. 89, с. 40).

¹⁰ 28 июня Александра Андреевна сообщила в письмо Андрею Кублицкому-Пиоттух: «...Сашура бывает веселый, бывает также скучный. Он очень много работает в саду... Он полет цветники, обрезает траву вокруг них, чистит дорожки, косит и убирает сено в саду, также поливает. Я очень рада, что он это делает, потому что это очень хорошо для сада и полезно для Сашуры. Он после работы всегда веселый и много говорит глупостей. К Менделеевым он ездит не часто. Театр будет в июле, будет пушкинский: „Евгений Онегин“, „Дон Жуан“, „Скуйой рыцарь“, „Дмитрий Самозванец“. В Боблово все преимущественно дамы, и Сашура один господин будет играть все роли мужчин. Трудно будет, много работы...» (письмо находилось в архиве Ф. А. Кублицкого-Пиоттух. Ныне Мемориальный музей-квартира А. А. Блока в Ленинграде).

За исполнение роли Скупого рыцаря Блок получил лавровый венок.

С. Д. Менделеева, двоюродная сестра Любови Дмитриевны, вспоминала: «Лета 1897 и 1898 года мы проводили в Боблово у Менделеевых. Дядя моего отца Д. И. Менделеев пригласил нашу семью: мать, сестру, брата и меня на лето в свою усадьбу Боблово близ Клина.

Там нам был отведен так называемый „старый дом“. В то время в 7-и верстах от д. Боблово в деревне Шахматово жил по летам А. А. Блок с матерью у своего деда профессора Бекетова.

У Менделеевых в Боблове была традиция устраивать летом детские спектакли. Пьесы по большей части писала Над. Як. Капустина, племянница Дмитр. Иван., участвовали Люба и Ваня Менделеевы, и, иногда, соседи их Смирновы.

В 1897 году Любе было 15 лет, Ване 13 лет, а младшим близнецам Мусе и Васе 8—9 лет. Мы были старшие хозяев. Мне шел 18-й год, сестре Лиде 16-й, брат был ровесник Ване.

И вот нам захотелось поставить настоящий спектакль. Выбрали пьесу Щепкиной-Куперник „Месть Амура“, потому что в этой пьесе 6 женских ролей и ни одной мужской, а у нас не было актеров, одни актрисы. Главную роль взяла на себя Маня Турчанинова, ученица баблетьей школы, сестра знаменитой артистки Евд. Дм. Турчаниновой, жившая недалеко в селе Спас-Коркодино. Мы много возились с репетициями, много это принесло удовольствия и забот, но... спектакль не состоялся: Манечке надо было уехать в Москву, кто-то закапризничал и отказался.

Анна Ивановна Менделеева решила помочь нам. Она знала, что Саша Блок давно увлекается театром и устраивает представления со своими двоюродными братьями. Но в Боблове он не бывал, видимо стеснялся, и только иногда мы видели, как он проезжал верхом на своем белом коне. Теперь же, узнав о предполагаемых спектаклях, он приехал и сразу принял самое активное участие в подготовке. Анна Ивановна была у нас как бы режиссером, советовала и помогала. По ее распоряжению в большом сеном сарае, стоявшем на опушке парка, была сделана сцена, скамьи для зрителей, кулисы. Театр был готов. Пьесы уже репетировались. На первый раз должна была идти детская пьеса для маленьких Менделеевых Муси и Васи — „Художник Мазилкин“, заглавную роль играл Алекс. Алекс., мать их играла моя гимназическая подруга, гостившая у нас, Юлия Кузьмина. Для старших актеров и актрис шли отрывки из „Женитьбы“ Гоголя и из „Горя от ума“. Блок играл Чацкого, Люба — Софью, сестра моя Лидия — Лизу. Конечно, все костюмы мы шили сами, много нам пришлось применить изобретательности и выдумки. Свимки делал репетитор Вани — студент, который ни за что не хотел участвовать в спектаклях. Спектакль доставил нам много радости, публика осталась довольна. Были и соседи — помещики и крестьяне из Боблова и соседних деревень. На следующее лето, когда мы снова съехались, спектакли продолжались. По желанию Блока решили поставить Пушкинский спектакль. Он мечтал о классическом репертуаре (<...>

Остановились на следующих сценах: 1) Сцена у фонтана, из „Бориса Годунова“ — Блок — Самозванец, я — Марина. 2) Сцена из „Скупого рыцаря“ — монолог его — Блок; 3) Сцена из „Каменного гостя“ — Дон-Жуан — Блок, донна Анна — сестра Лидия. Статуя Командора — мальчик из деревни Ваня (своих ведь артистов у нас не было. Братья ни за что не хотели играть, они только устраивали декорации и т. п.). С ним произошла комическая сцена: когда Ваня вышел во всем белом, как мраморная статуя, публика узнала его и стала хотеть „Наш-то Ванюшка каков“. Хорошо было Донне Анне, она упала в обморок и могла, закрывшись веером, смеяться, но каково было Дон-Жуану, но он вышел из этого положения героически и сыграл замечательно хорошо.

В этом спектакле особенно хороша была декорация в сцене у фонтана. Был настоящий лес, настоящий фонтан и почти настоящая луна (лампа, закрытая голубым) — наши братья-декораторы тут отлично потрудились. Публика так и ахнула, увидав эту картину. На спектакле был и сам Дм. Ив. В публике говорили, что это были артисты из Москвы, поднесли всем цветы. Конечно, особенно хорош был Блок. Сейчас же после этого спектакля стали готовиться к постановке „Гамлета“ Шекспира, о чем мечтал Ал. Ал. Это было его любимое произведение. Но у нас была очень маленькая труппа, 3 артистки и 1 артист, потому Блоку пришлось играть роли и Гамлета и короля, а моей сестре Лидии — Лаэрта. Перед спектаклем Блок сделал вступление — рассказал краткое содержание пьесы, т. к. наша публика, конечно, не знала „Гамлета“, а потом мы сыграли отдельные сцены (<...> Даны были следующие сцены: 1) Гамлет с матерью — Блок и я. 2) Сцена короля и королевы, Офелии и Лаэрта (Блок и я, Люба и Лидия Менделеевы). 3) „Быть или не быть“ (Блок). 4) Офелия и Гамлет — Люба, Блок. Таким образом, главные роли были у Ал. Ал. и его будущей жены Люб. Дм. Особенно хорош был Блок. Он играл талантливо, ярко. Хороша и трогательна была Люба — Офелия.

Эти спектакли до сих пор памятны нам с сестрой (единственные из актеров, кто еще жив) и мне казалось, да кажется и сейчас даже, что Блок был лучшим Гамлетом из всех, каких я видела.

Этим закончились наши спектакли. На след. лето мы уже не жили в Боблове, и спектакли не ставились — Блок приезжал к своей Прекрасной Даме, а в 1903 г. была их свадьба, где были и мы.

Об этих спектаклях есть в книге Ан. Ив. Менделеевой «Менделеев в жизни». В главе об А. А. Блоке. («Спектакли в Боблове с А. А. Блоком». ГЛМ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 57).

¹⁰ Мальчик — любимая лошадь Блока. «Ковь этот был с норовом, в молодости его долго держали в темной конюшне, и потому зрение его было испорчено, и он часто пугался и бросался в сторону, но Саша привык к его замашкам и справлялся с ним довольно хорошо.

Высокий белый конь, почуя
Прикосновение хлыста,
Уже волнуясь и танцуя,
Его выносит в ворота <„Возмездие“>.

(«С а ш а Б л о к»)

5 сентября 1900 года. Шахматово

Дорогой Андрияша!

Мне было очень приятно, что ты написал мне письмо, благодарю тебя за то, что ты поздравил меня и желал мне быть умным, а не идиотом. Но я думаю, что ты сам идиот, потому что ты пишешь мало и по-идиотски. Ты целуешь меня крепко, но ты говоришь сам, что настоящая любовь не выражается в поцелуях, поэтому я не хочу целовать тебя — ты очень грязный извозчик. Позволяю тебе обнимать меня, как Писарев ¹ с Серебряковым ², один раз, довольно.

У нас погода не очень хорошая, часто бывает ветер и холодно, но дождя не очень много, я очень часто хожу, но не езжу верхом в Боблово. Хожу я недалеко, но езжу верхом иногда. Сегодня также я был в Шеплякове, Гудине и в Мильцеве ³. Кроме того я много купался, после того как вы уехали, и тетя Маня также ходила купаться, но потом стало холодно, и мы перестали. Всего я купался вместе с вами и один 25 раз.

Мне очень жаль, что в Барнауле ⁴ грязно и некрасиво, но я думаю, что ты и Фероль скоро привыкнете и вам не будет скучно, потому что всякий будет учиться и читать, а также вы будете играть на бильярде. Я думаю, что это трудная, но интересная игра и вы скоро научитесь играть. Также вы будете ездить с Феролем верхом, потому что папа и мама купили лошадей, но я не знаю, хорошие ли они для верховой езды? Завтра 6-го сентября мы с мамой поедем в Петербург. В Шахматово теперь очень хорошо и, я думаю, гораздо красивее и лучше, чем в Барнауле. У нас молотили рожь и овес, мы с Иваном ⁵ рубили очень много дров; наш работник Иван очень плохой и ленивый, но, нечего делать, он будет жить здесь зимой, потому что другого нет.

Почему ты пишешь мне, что я лентяй? Я очень прилежный и умный человек, но ты сам глупый и ленивый поросенок.

Обнимаю тебя, как Фрей ⁶ с Серебряковым! В день моих именин 30-го августа мы вспоминали, как мы были в театре и видели «Жизнь за царя» ⁷, тогда было очень приятно. Целую маму, папу, тебя и Фероля, будь здоровый и веселый человек. Прощай.

Твой С а ш у р а

¹ В письмах Блока А. А. Кублицкому-Пиоттух часто встречается шутивное употребление имен известных артистов, в устойчивых лексических оборотах типа: «обнимаю тебя, как...» и т. п. Это было одним из элементов игры, которую Блок и в письмах продолжал вести с двоюродными братьями. Характерно, что, судя по воспоминаниям Ф. А. Кублицкого-Пиоттух, Блок постоянно упоминает актеров, с творчеством которых он и его братья были хорошо знакомы. Таким образом, письма к А. А. Кублицкому-Пиоттух дают дополнительную информацию о театральных интересах молодого Блока.

Александр Дмитриевич Писарев — актер. В архиве Кублицких сохранилась программа состоявшегося в воскресенье 17 ноября 1896 г. в Малом театре праздничного спектакля с тройным составом исполнителей, на котором давалась оперетта Оффенбаха «Прекрасная Елена». Роль Париса исполнял Писарев.

² Константин Терентьевич Серебряков (1852—1919), известный русский певец, бас. Дебютировал в 1887 г. на сцене Мариинского театра в роли Сусанина («Жизнь за царя») с большим успехом. Блок мог слышать его также в шедших в Мариинском театре операх «Русалка», «Евгений Онегин», «Демон» и др.

³ Деревни неподалеку от Шахматова.

⁴ В августе 1900 г. Феликс и Андрей Кублицкие-Пиоттух с матерью отправились в Барнаул, где уже ждал их А. Ф. Кублицкий-Пиоттух, назначенный в марте начальником Алтайского горного округа Томской губернии.

⁵ Иван Николаевич — в течение нескольких лет был старшим работником в Шахматово. Ему посвящен сохранившийся в детской записной книжке Блока (1894) стихотворный набросок-пародия на балладу В. А. Жуковского «Смалгольмский барон»:

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый работник Иван,
И без отдыха гнал меж полей и меж скал
Он коня, торопясь в Старый Стан.
Через три дня назад воротился Иван
(Поражен, раздражен и смущен)

(Собрание В. Н. Орлова)

Упомянутый в сочинении тринадцатилетнего Блока Старый Стан — деревня в окрестностях Шахматова.

⁶ Яльмар Александрович Фрей — финский певец, бас, с 1885 г. артист Мариинского театра. В 1899 г. участвовал вместе с Ф. И. Шаляпиным в концертном исполнении оперы «Алеко», посвященном 100-летию со дня рождения Пушкина.

⁷ «Жизнь за царя» — опера М. И. Глинки, которую Блок с братьями слушал в Мариинском театре весной 1900 г.

8

6 октября 1900 года. Петербург

Дорогой Андрей!

Спасибо тебе, что ты часто пишешь письма всем нам, очень приятно и интересно читать их, ты пишешь много и хорошо, мы узнаем, что вы делаете в Барнауле. Почему ты пишешь мне, что я называю Фероля свиньей? — напротив ты называешь его свиньей; а я называю идиотом. Скажи ему, что скоро он получит от меня письмо, в котором я буду бранить его за то, что он сам меня бранит. Напрасно ты думаешь, что крокет скучная игра, я очень люблю ее ¹, но, может быть, и бильярд также интересная игра, я не умею и никогда не играл, а студенты зовут меня в трактир играть на бильярде, потому что дураки.

Мари ² покраснела, когда прочтала, что тебе больно было сидеть; я думаю, что у тебя была очень странная болезнь — очень стыдная, но теперь ты поправился и надо ездить верхом, потому что, мне кажется, будет весело, хотя ты и говоришь, что везде скверно. Кроме того, у вас хорошие лошади, ездить может быть, приятнее, чем на Гнедом или на Коське. Когда я ездил в Шахматове на Гнедом, мне он очень не понравился, потому что у него маленькие шаги, и он очень низкий, на Мальчике мне всего приятнее было ездить. Теперь мы уже целый месяц живем в Петербурге и совсем забыли про Шахматова, потому что у всех много дела. Я довольно много учусь и хожу в Университет ³, ты напрасно говоришь, что я лентяй и ночной пешеход! В Петербурге жить гораздо приятнее, чем в Барнауле, но погода хуже, чем у вас, иногда идет дождь, на улицах грязь и воздух очень плохой, пахнет дымом. На деревьях еще много листьев, мы были в Ботаническом саду 2 раза и смотрели новые большие цветы, называются *Victoria regia*. Они некрасивые, но у них очень большие листья, ты видел их, я думаю, там и на картинах. Очень жаль, что вы хотите ехать в Алтайские горы, но, все-таки, мне кажется, что вы приедете в Шахматова. Тебе пора заключить мир с Феролем и не бить его по щекам, потому что вы очень давно воюете, все равно никто не победит. Я написал тебе письмо не потому, что тебя люблю, но потому что очень боюсь, что ты сошлешь меня на остров Сахалин! Целуй, пожалуйста, маму, папу и будущего чиновника с усами и бородой ⁴, желаю тебе быть здоровым и не скучать очень в Барнауле. Также будь умный, а не идиот. Гурвича ⁵ не целуй от меня.

Твой Саша ура

¹ В крокет братья много и увлеченно играли в Шахматове. «Одно время сильно увлекались крокетом, но потом он всем надоел» («Саша Блок»).

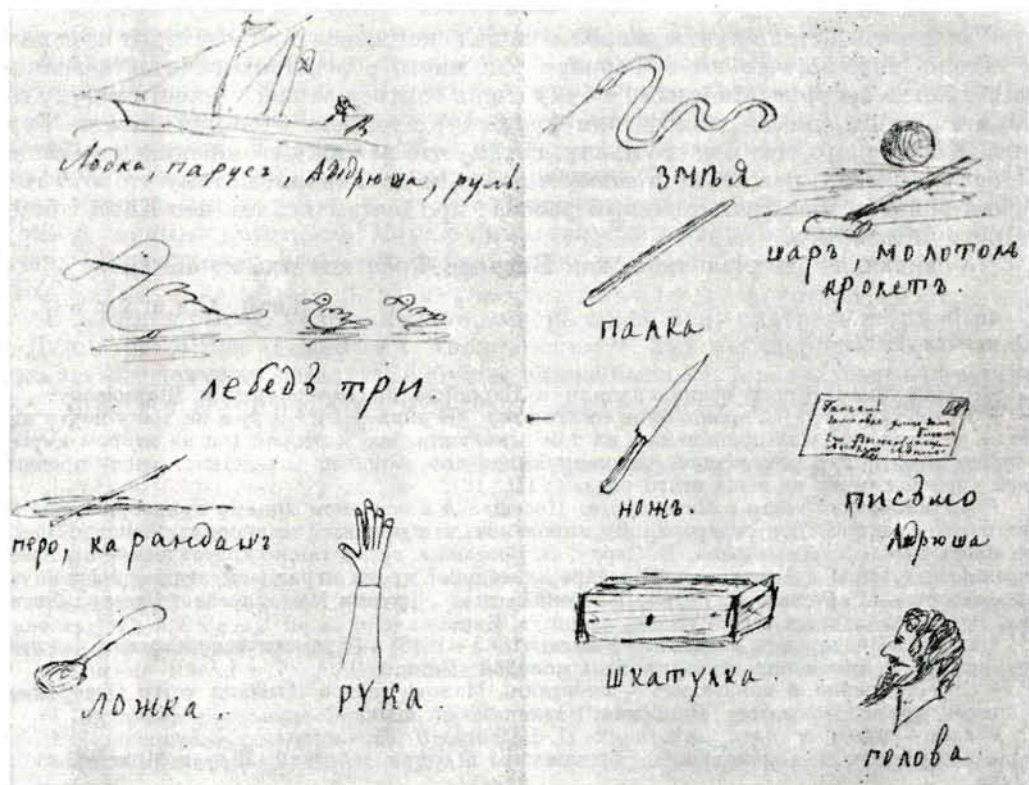
² См. прим. 4 к п. 4.

³ В письме к отцу А. Л. Блоку от 26 сентября 1900 г. Блок сообщает об усиленных занятиях в Университете, и, благодаря отца за присылку его лекций, пишет: «Не знаю, когда мне удастся прочесть все это, потому что, кроме специально университетских юридических наук, я занимаюсь теперь историей философии вообще (которую слушаю у Введенского 3 часа в неделю) и специально Платоном по Льюису и переводу подлинника Вл. С. и Мих. С. Соловьевых... Программа II-го курса значительно увеличилась теперь сравнительно с прошлым годом» («Письма к родным», I, с. 55).

⁴ Типичный пример шуточного прозвища, которыми награждал Блок двоюродных братьев, в данном случае — Феликса. Ср. с обращением Блока — редактора журнала «Вестник» к читателям: «Глубоко тронутый таким горячим выражением симпатии к моему журналу, благодарю всех подписчиков под адресом, а именно: г-ж Е. Бекетову, Н. Дементьеву... г-д А. Бекетова, Ф. Кублицкого-Пиоттух, будущего генерала (курсив мой.— В. Е.) А. Кублицкого-Пиоттух...» (наст. т., кн. 1, с. 214.)

⁵ Одно из многих прозвищ, которые Блок в шутку давал Феликсу Кублицкому-Пиоттух.

РИСУНКИ БЛОКА В ПИСЬМЕ А. А. КУБЛИЦКОМУ-ПИОТТУХ

Автограф, 1896

Литературный музей, Москва

9

<19 ноября 1900 г.>

Светлейший Андрей!

Поздравляю тебя с твоими именинами, желаю тебе быть здоровым и скорее сделаться более умным, также стараться быть веселым и хотеть кататься на коньках в Барнауле, потому что от этого будет легче привыкнуть и тебе и маме¹. Не погружайся также в глубокие думы и, когда ходишь по улицам, думай, что они очень чисты и красивы. Очень благодарю тебя за поздравления, но не понимаю, почему ты думаешь, что ты мой подданный, я думаю, что ты — свинья.

Я должен отвечать тебе на твои вопросы: я хожу в Университет очень редко, потому что я остался два года на втором курсе², занимаюсь довольно много, в театре был раз 10 — в Малом, Александринском и Михайловском³. Очень жаль, что не вижу щеки Дальского⁴, остальное все по-прежнему. Я видел «Преступление и наказание», «Заза», «Золотой телец»⁵, которого в прошлом году хвалила твоя мама, и несколько новых, часто скверных пьес.

Кроме того, я сам очень много читаю стихов, например у Захарьиных⁶, потом у меня есть еще новые знакомые — Лучинские⁷, а у Менделеевых я больше не бываю, потому что у них скучно⁸.

Мама теперь нездорова, у нее был довольно большой жар, сильный кашель и насморк, должно быть инфлюэнца. Теперь ей лучше, но она сидит дома и не могла ехать в театр, а сегодня не может ехать к бабушке поздравлять ее⁹. Дядя Франц¹⁰ целый день на службе, поэтому я один буду обедать у бабушки из всех нас.

У нас погода стала лучше, мороз, и выпал снег, извозчики уже ездят на санях. Очень хорошо, что вы с Феролем так много с жадностью читаете всяких книг. Когда вы приедете к нам, я буду очень бояться вашей учености и буду говорить с вами, снимая шляпу (или фуражку) с головы. Обнимай от меня Гурвича и скажи ему, что я часто плачу, потому что не вижу его прекрасного лица. Поцелуй от меня, пожалуйста, маму и папу, но не Фероля, потому что этот господин написал мне очень стыдный рассказ про пипифакс, так что Кате¹¹ было стыдно читать его.

До свиданья, обнимаю тебя, как Писарев Фрея никогда не обнимал.

Твой С а ш у р а

19 ноября 1900.

¹ Кублицкие-Пиоттух очень скучали в Барнауле по Петербургу и Шахматову.

² Примерно в это же время Блок писал отцу: «В университет я уже не хожу почти никогда, что кажется мне правильным на том основании, что я второй год на втором курсе, а кроме того, и слушание лекций для меня бесполезно, вероятно вследствие, между прочим, моей дурной памяти на вещи этого рода» (VIII, 16).

³ Михайловский театр в Петербурге. Посещался в основном лицами придворно-аристократического круга. Его репертуар формировался, как правило, из модных новинок. Здесь ставились пьесы А. Дюма-сына, В. Сарду, Э. Ростана и др., а также классические произведения французской драматургии. В театре длительное время играли выдающиеся французские актеры — Г. Режан, С. Гитри, Б. Коклен и др. Труппа Михайловского театра считалась одной из лучших французских трупп в Европе.

⁴ Мамонт Викторович Дальский (Неслов) (1865—1918) — драматический артист, чье чтение стихов великолепно пародировал молодой Блок.

⁵ «Преступление и наказание» — спектакль Малого театра (бывший театр Суворина).

В пьесе играли Далматов, Яворская, Орленев, Бурлак.

«Заза» — пьеса в пяти действиях П. Бертона и Ш. Симона.

«Золотой телец» — комедия С. Дбржанского в одном действии. Шла в Михайловском театре.

⁶ Злгрьины — знакомые семьи Бекетовых.

⁷ Семья Евгении Юстиновны Лучинской, участницы литературных вечеров, знакомой Блока и А. В. Гиппиуса.

⁸ Осенью 1900 г. из-за размолвки с Любовью Дмитриевной Блок у Менделеевых не бывал, «полагая, что знакомство прекратилось» (VII, 342) Л. Д. Блок в воспоминаниях писала: «К разрыву отношений, произошедшему в 1900 году, осенью, я отнеслась очень равнодушно... О Блоке я вспоминала с досадой. Я помню, что в моем дневнике, погибшем в Шахматове, были очень резкие фразы на его счет, вроде того, что „мне стыдно вспоминать свою влюбленность в этого фата с рыбьим темпераментом и глазами...“ Я считала себя освободившейся» (ЛН, т. 89, с. 41—42).

⁹ Елизавета Григорьевна Бекетова родилась 19 ноября 1834 г.

¹⁰ Франц Фелисович Кублицкий-Пиоттух, отчим Блока, дядя Андрея Кублицкого-Пиоттух.

¹¹ С Екатериной Евгеньевной Хрусталевой, дальней родственницей, молодой талантливой пианисткой, Блок познакомился осенью 1900 г.

Дорогой Андрюша!

Прости, пожалуйста, что не скоро пишу тебе. Были праздники и потому долго не писал. На Рождество не было весело, надо было делать визиты и, хотя я делал их мало, но все-таки это было скучно и неприятно. Я познакомился с артисткой Александринского театра Читау, которая теперь учит меня читать стихи¹. Она очень добрая и хорошая дама, не очень молодая, больше уже не играет на сцене. Может быть, вы захотите играть что-нибудь на Масленице или на Пасхе, поэтому, посылаю вам пять пьес, о которых я написал в письме к Феролю². Кажется тебе и «кучеру»³, а также маме и папе не было весело на Рождество. Мне очень было жаль, что нет вас, мы вспоминали ваши елки 24 декабря, без елки не весело. У Недзвецких⁴ не было елки, но танцевали, и никто из нас у них не был. Я думаю, что там было очень скучно. Буля⁵ уехал на Рождестве в Низголово⁶ на охоту после танцевального вечера — молодец! Он очень хороший мальчик, теперь вырос еще и плечи стали шире. Отвечаю

тебе на твои вопросы: у нас погода так себе, сильный мороз был только два дня — не больше 27 градусов. В гости я хожу не часто и большей частью читаю стихи там, где бываю в гостях⁷. Читаю не очень много, теперь читаю Тургенева, а также получаю новый журнал, называется «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки». Редактор его — Булгаков, кажется — интересный журнал⁸. Твоим письмам я никогда не радуюсь, потому что ты свинья; напротив — всегда плачу и думаю, что надо писать ответ господину с грязными руками и черными ноготками! Марию Эмильевну⁹ мы видим не очень часто, у ней очень много уроков, она скучает без вас (но не без тебя, потому что знает, что ты<...>)

В театре я бываю не очень часто, теперь скоро буду смотреть пьесу «Кин»¹⁰ с Далматовым¹¹ и «Гамлета» с Аполлонским¹². Все мы здоровы, но не очень, как всегда, дедушка кашляет, бабушка также была нездорова, теперь ей лучше, мама все нехорошо себя чувствует. До свиданья, дай мне твою грязную лапу.

Твой Александр Македонский

5.1.1901.

Поцелуй маму, папу и «управляющего лошадьми»¹³.

¹ Мария Михайловна *Читаю (Кармина)* (1859—1935) — актриса Александринского театра, педагог. «В том же 1901 году, когда Любовь Дмитриевна поступила на драматические курсы г-жи Читаю, Саша тоже посещал их некоторое время, но, охладев к сцене, скоро оставил это занятие» (М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать, с. 73).

² Письма Блока к Ф. А. Кублицкому-Пиоттух за исключением нескольких открыток неизвестны.

³ Шутливое прозвище Феликса Кублицкого-Пиоттух за его любовь к лошадям.

⁴ Недзвецкие — родственники Бекетовых.

⁵ Виктор Коврадович *Недзвецкий* (1883—1940) — троюродный брат и в юности товарищ Блока.

⁶ Низголово — имение Недзвецких

⁷ Блок-студент увлекался декламацией. С. Н. Тутолмина пишет: «Когда он сделался студентом, а мы с сестрой одновременно кончили гимназию, мы стали чаще видеться с Сашей. По субботам у нас собиралась молодежь, по преимуществу студенческая (мой отец был тогда директором Электротехнического института), и у нас было много музыки, пения и декламации. В то время Ал. Блок увлекался Шекспиром (<...> На наших вечеринках он любил декламировать монологи Гамлета, Отелло, а так же Дон-Жуана (из пьесы А. Толстого). Кроме того, он прекрасно читал „Сумасшедшего“ Апухтина, и я никогда с тех пор не слышала никого, кто бы читал это стихотворение так хорошо, как Ал. Блок (С. Н. Тутолмина в Мои воспоминания об Александре Блоке. — «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. I, с. 92).

⁸ Федор Ильич *Булгаков* (1852—1908) — редактор-издатель «Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки».

⁹ Гувернантка братьев Кублицких-Пиоттух.

¹⁰ «Кин, или Гений и беспутство», пьеса А. Дюма.

¹¹ Василий Пантелеймонович *Далматов (Лучич)* (1852—1912) — драматический артист. «Всем было известно, — вспоминал Г. П. Блок, двоюродный брат Александра Александровича, в очерке «Герои „Возмездия“», — что будущность его твердо решена — он будет актером. И держат себя он старался по-актерски. Его кумиром был Далматов, игравший в то время в Суворинском театре Лира и Ивана Грозного. Александр Александрович причисывался как Далматов (плоско на темени и пышно на висках), говорил далматовским голосом (сквозь зубы педил глуховатым баском)» («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. I, с. 97).

¹² Роман Борисович *Аполлонский* (1864—1928) — драматический артист. Играл в Александринском театре.

¹³ Шутливое прозвище Феликса Кублицкого-Пиоттух.

Дорогой Андрей!

Прости, пожалуйста, что я не писал тебе писем десять лет. Брат твой держит теперь экзамены, а потому забыл о барнаульском идиоте — Андрее, и брате его — кучере, и управляющем лошадьми — Феликсе. Очень спасибо тебе за поздравительную карточку с зайцами, которые очень стыдные люди, потому что

ходят без брюк, — похожи на тебя. У нас очень хорошая погода, на Неве идет лед, но тепло, трава начинает расти в Ботаническом саду и около. Везде очень красиво, потому что яркое солнце, но я мало гуляю, потому что много учусь¹.

Вчера уехал твой папа², но мы не могли провожать его на вокзал, потому что у нас обедал доктор Каррик³. Напиши мне, пожалуйста, что вы делали на Пасхе, весело ли было тебе и что тебе подарили? Я получил очень приятные подарки — стихи Соловьева, его портрет⁴, а также портрет Московского артиста Станиславского, который недавно приезжал и очень хорошо играл в Петербурге⁵. Много ли ты, как прежде, читаешь? Понравился ли тебе «Князь Серебряный»? Я теперь читаю почти только учебники, потому что я — человек очень умный и образованный и не похож на тебя — глупого и грязного господина.

У нас, наконец, есть собака, такса, по имени Крабб⁶; этому прекрасному животному немного больше двух месяцев — какой великолепный щенок! Но он часто делает стыдные вещи в комнате и иногда на диване — его еще рано бить за это, потому что он не все понимает. Он играет с туфлями, рвет их и носит по комнатам, играет с кошкой и грызет ее, но она также играет и редко сердится. Они катаются вдвоем по полу. Он очень громко и весело лает, вообще — очень веселый и со страшно красивым и толстым белым животом — гораздо красивее, чем у тебя, когда ты летом в Шахматове купаешься.

Целую тебя очень мало. Пожалуйста, целуй маму, папу и извозчика.

Твой С а ш у р а

1901. 10 апреля.

¹ Это были последние экзамены, которые Блок держал на юридическом факультете Петербургского университета. Осенью он перешел на филологический факультет. В апреле 1901 г. он послал в письмо М. А. Бекетовой шуточное стихотворение, посвященное его экзаменационным заботам:

Права русского историю	Статистические числа,
Уподоблю я громам,	Злые Кауфмана глаза.
Что мешает мне на взморье	Мая до двадцать второго
Уходить по вечерам.	Не «исхичу я из тыма»
Впереди ж (душа раскисла!)	Имя третьекурсового
Ждет меня еще гроза:	Почитателя Козьмы.

Приводя стихотворение в книге «Александр Блок и его мать» (с. 76), М. А. Бекетова поясняет, что упоминаемый в нем Кауфман — профессор статистики.

Очень любивший с детства дальние одинокие прогулки, особенно на взморье, Блок был вынужден ограничить их из-за экзаменов. Об этом он говорит и в письме к Андрею и в стихотворении.

² А. Ф. Кублицкий-Пиотгух был по делам в Петербурге.

³ Егор Андреевич Каррик — домашний врач. М. А. Бекетова пишет о нем: «Лечил Сашу доктор Каррик и, по обыкновению, очень успешно. Скажу несколько слов об этом милом человеке, который два раза спас Сашу от жестокой опасности. Он происходил из шотландской семьи, основанной в Петербурге. Учился сначала в Peterschule, а потом в Эдинбургском университете. Был очень талантливый и решительный доктор, а также большой любитель детей — красивый, здоровый человек, огромного роста с громовым голосом и неистощимым запасом веселья. Он с большим юмором изображал разные сцены и рассказывал анекдоты, великолепно представлял, как хлопает пробка, или делал вид, что отчаянно стукнулся лбом об дверь, подражая только движению и звуку удара и т. д. Он очень любил Сашу и, забавляя его самыми простыми средствами, заставлял смеяться и радоваться. Саша называл его „крошка доктор“ и всегда рад был его приходу» (М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать, с. 26).

⁴ Это было время обостренного увлечения Блока поэзией Владимира Соловьева и становления его собственной лирической темы. «В связи с острыми мистическими и романтическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева», — отмечал Блок в автобиографии (VII, 13). Много владеет поэт, обращаясь к минувшим годам, писал: «К весне началось хождение около островов и в поле за Старой Деревней, где произошло то, что я определял, как Видения (закаты). Все это было подкреплено стихами Вл. Соловьева, книгу которых подарила мне мама на Пасху этого года» (VII, 344). Книга сохранилась в библиотеке Блока.

⁵ С 19 февраля по 23 марта 1901 г. в Петербурге проходили первые гастроли Московского Художественного театра. К. С. Станиславский играл роли Астрова («Дядя Ваня» Чехова), Штокмана («Доктор Штокман» Ибсена). Вершинина («Три сестры» Чехова).

Через двенадцать лет, 27 апреля 1913 г., на встрече Блока со Станиславским, во время которой поэт читал режиссеру «Розу и Крест» и собеседники обсуждали возможность ее постановки в МХТ, они, между прочим, говорили о первом приезде театра в Петербург. Блок в дневнике записал: «И мы вспоминали вместе ту первую весну (<...>), когда Художественный театр приехал впервые в Петербург, как я орал до хрипоты, жал руку Станиславскому, который среди кучи молодежи садился на извозчика и уговаривал разойтись, боясь полиции» (VII, 245).

⁶ Крабб — такса, любимица Блока. С ее приобретением связано «зашифрованное» стихотворение «Пять изгибов сокровенных...». Идя покупать щенка, на Васильевском острове Блок увидел Любовь Дмитриевну Менделееву, вышедшую из саней на Андреевской улице. Она шла на курсы по 6-й линии, Среднему проспекту — до 10-й линии. Он, не замеченный, следовал позади. Отсюда родились «пять изгибов». «На следующее утро, — вспоминает Блок в дневнике 1918 г., — я опять увидал Ее издали, когда пошел за Краббом (и привез в башлыке, будучи в исключительном состоянии, которого не знала мама)» (VII, 243).

12

(Петербург, 2 мая 1901 г.)

Дорогой Андрюша!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю, чтобы ты был умнее после пятнадцати лет, чем до. Потому что, когда ты уезжал из Шахматова этой осенью, ты был очень идиотическим и глупым человеком.

Сегодня я выдержал еще один экзамен и получил три. Бедный кучер — брат твой — я думаю все еще держит экзамены ¹. О, несчастный! Пиши мне, пожалуйста, что ты делаешь руками, ногами и головой. Много ли ты едешь верхом? Много ли ты бьешь Фероля? Много ли читаешь? Мы все по-прежнему. Бабушка очень скоро — 6 мая — поедет в Шахматове. И мы с мамой очень хотим ехать туда — пора отдохнуть. Мама очень устала здесь в Петербурге и чувствует себя нехорошо. Однако мой последний экзамен будет 22 мая, и мы не можем уехать раньше. Дядя Франц также скоро поедет в Красное Село, потом сейчас же приедет назад, как всегда, и будем жить вместе, пока не уедем в Шахматове. Может быть, летом я буду опять играть у Менделеевых в Бобловском театре ². Очень мне жалко, что вас не будет в Шахматове с нами, без вас очень грустно. Тетя Липа хотела приехать, но я думаю, что не приедет. Если же приедет, нам не будет приятно, как, ты сам знаешь, было в прошлом году ³. Также хотела приехать Катя, но в Шахматове теперь трудно жить гостям, когда дедушка болен. Я думаю, что все-таки вам приятно, что у вас летом будут гости — веселые и молодые, может быть, будет с ними не так скучно. Вы с Феролем, кроме того, будете ездить верхом и гулять по новым местам. Это интересно. Пиши мне скорее обо всех вас, будь здоров и умен, как Писарев с Серебряковым. Целую тебя, маму, папу, Фероля, а также всех других кучеров и Джэка ⁴, которому кланяется господин Крабб с прекрасным толстым животом. Мне очень понравилась ваша фотографическая карточка с Джэком, но я не понял, кто Фероль и кто Джэк. Пожалуйста, напиши мне об этом. Обнимаю тебя, как Давыдов Варламова ⁵.

Твой племянник С а ш у р а

2 мая [1901] года. Петербург.]

¹ Феликс Кублицкий-Плоттх держал экзамены в Томской гимназии.

² В «мистическое лето» 1901 г. Блок репетировал в Боблове несколько ролей, в том числе в «Горящих письмах» Гнедича. Спектакли, в которых участвовал Блок, состоялись в Боблове и на Зубовской мануфактурной фабрике близ имения Д. И. Менделеева.

³ Блок имеет в виду отсутствие в Шахматове двоюродных братьев, в минувшее лето живших в усадьбе до августа.

⁴ Джэк — охотничья собака братьев Кублицких.

⁵ Блок вновь вспоминает в шутливой форме любимых им и его братьями петербургских актеров.

Владимир Николаевич Давыдов (1849—1925) в 1880 г. дебютировал на сцене Александринского театра. Был выдающимся исполнителем ролей в пьесах русского классического репертуара (Гоголя, Грибоедова, Островского, Л. Толстого, Чехова).

Константин Александрович Варламов (1848—1915) — популярный актер Александринского театра. За замечательное комедийное дарование его называли «царем русского смеха». Большой успех сопутствовал его игре в русских сатирических комедиях. Двадцать девять ролей исполнил он в пьесах Островского. К числу его лучших работ принадлежат образы, созданные в пьесах Сухово-Кобылина.

(Шахматово,) 28 июля 1901.

Дорогой мой Андрей, прости меня, пожалуйста, что я давно уже не писал тебе ни одного слова, потому что был очень ленив. Кроме того, в Шахматове была страшная жара и засуха последние дни, так что мы все ходили, как сонные мухи. Теперь, слава Богу, пошел непрерывный дождь и небо все серое, зато не так жарко! Ты спрашиваешь, почему я не приехал к вам? Для этого есть много объяснений. Главное то, что невозможно мне уезжать из Шахматова, когда так мало нас и жить беспокойно. Кроме того, я знаю, наверное, что мама ужасно горевала бы о моем отъезде и беспокоилась, как и все мамы, а это было бы, как ты знаешь, теперь особенно плохо¹. Кажется, что вы уже отложили свое путешествие в горы? Надеюсь, что оно доставит Вам много удовольствия, а также будет полезно для твоей дурацкой головы. Почему ты назвал меня «красным раком»?

Теперь у нас в Шахматове живет Катя Хрусталева. Скоро она уедет. Гуляем мы мало и часто сидим в своих комнатах. Вообще, в Шахматове это лето приятно, но не весело, так как вас нет. В крокет никто не играет; верхом я езжу только, когда надо быть у Менделеевых. Большой частью ездил на Мальчике², но у него болит спина оттого, что седло мое — очень старое. Также ездил на Чандаре и на Гнедом. Последний мне совсем не понравился, Чандар лучше, но также плохо бегают и, кроме того, непослушен, потому что еще молод и не привык. Новый работник Дмитрий очень хорошо работает. В этом году очень рано сжали и смолотили рожь. Теперь уже поспел и овес, но дождь идет и жать нельзя пока. Овн, где молотили, унал почти весь от сильного ветра, а, главное, потому что совсем гнилой. Это было счастливо, потому что никого не убило, только немного ушиблись два молотильщика. Очень плохие также сарай с сеном и скотный двор. Все надо чинить, это очень дорого стоит! Однако хозяйство теперь гораздо лучше, чем было при Степане и Иване, потому что Дмитрий очень хорош пока. Он сам смотрит за всем и бранит здешних крестьян, когда они плохо работают. Зато лошадей мало, и они очень слабы. Большой частью работает один Бурый, потому что Коська — старик, Чандар и Гнедой — слабы, а Мальчик — болен. Дмитрий советует купить маленького жеребеночка, но на нем можно начинать работу только через 2—3 года. Ты пишешь, что ваши сибирские лошади хуже, но мне кажется, что шахматовские уж очень плохи и мало на что годны.

Желаю тебе быть умным и целовать маму, папу и Фероля с длинным носом, а также животных, например, себя.

Твой брат С а ш у р а³

¹ Блок не раскрывает в письме к младшему брату истинной причины своего отказа от поездки в Сибирь. Лето 1901 г. — время напряженных духовных и поэтических исканий, в которые погружен молодой поэт. Рождается вторая глава «Стихов о Прекрасной Даме», «Влюбленность, — как пишет Блок, — стала меньше призвания более высокого, но объектом того и другого было одно и то же лицо» — Любовь Дмитриевна Менделеева. В незавершенных воспоминаниях «И были и небылицы о Блоке и о себе» она писала: «Блок мне начал говорить о том, что его приглашают ехать в Сибирь, к тетке, он не знает, ехать ли ему, и просит меня сказать, что делать. Как я скажу, так он и сделает».

Это было уже много, я могла уже думать о серьезном желании его дать мне понять об его отношении ко мне. Я отвечала, что сама очень люблю путешествия, люблю узнавать новые места, что ему хорошо поехать, но мне будет жаль, если он уедет, для себя я этого не хотела бы. Ну, значит он и не поедет» (ЦГАЛИ).

Блок писал об этом дне: «Любовь Дмитриевна проявляла иногда род внимания ко мне. Вероятно, это было потому, что я сильно светился. Она дала мне понять, что мне не надо ездить в Барнаул, куда меня звали погостить уезжавшие туда Кублицкие. Я был так преисполнен высоким, что перестал жалеть о прошедшем» (VII, 344).

² Л. Д. Блок вспоминала: «Он бывал у нас раза два в неделю. Я всегда угадывала день, когда он придет; это теперь — верхом на белом коне и в белом студенческом кителе. После обеда в два часа я садилась с книгой на нижней тенистой террасе, всегда с цветком красной вербены в руках, тонкий запах которой особенно любила в то лето».

Вскоре звякала рысь подков по камням. Блок отдавал своего Мальчика сколо ворот и быстро взбегал на террасу. Так как мы встречались «случайно», я не обязана была никуда уходить, и мы подолгу, часами, разговаривали, пока кто-нибудь не придет. Блок был переполнен своим знакомством с «ними», как мы называли в этих разговорах всех новых, получивших название «символистов» («Были и небылицы о Блоке и о себе»).

³ Психологическое состояние Блока во время, когда писались эти строки, определяло стихи, созданные накануне. 27 июля 1901 г. он пишет:

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли — светло и спокойно,
И вновь придут — они землей даны.

Мне жаль, что день великий скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг, — грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути, и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто *здесь* вздыхает обо мне (I, 115).

14

⟨Петербург, 20 ноября 1901 г.⟩

Дорогой Андрюша!

Поздравляю тебя очень и хочу, чтобы ты был умный и ученый человек, не как теперь. Спасибо тебе за твое письмо, после которого я действительно очень долго отдыхал, потому что оно очень глупое и свинское. Я не писал тебе много времени, потому что у меня страшно мало времени, я много хожу в Университет и учусь много ¹. Читаю же не очень много, потому что тоже нет времени, а стихи пишу, как прежде ². На праздниках думаю тоже учиться и очень мало ходить в гости — это гораздо приятнее и лучше. Теперь же иногда бываю у бабушки, у Менделеевых и у моего друга Гиппиуса ³, студента, но чаще нигде не бываю и сижу дома и в Университете. В театре тоже мы бываем не очень часто, играют все плохие пьесы, кроме того, петербургские театры не нравятся нам, после того, как мы видели московские. У мамы тоже мало времени, и ее часто нет дома, а дядя Франца — не бывает дома часто целый день. Все мы очень заняты, но это полезно только мне, а мама и дядя Франц очень устают от этого, и им нужно отдохнуть. — Я очень жалею тебя, потому что ты часто видишь черта и разных великоруссов и малоруссов. Я очень испугался твоих обещаний сечь меня в Шахматове, но все-таки думаю, что я сам буду сечь тебя, если ты будешь глупым сибиряком, похожим на Гурвича. Крабб был болен, у него была чума, как у всех собак, но я возил его к доктору, и теперь он веселый и шаловливый, как прежде, и очень много ест, как будто он не собака, а слон. Он кланяется тебе и моему приятелю Джэку. Я же кланяюсь тебе и очень сержусь на тебя за твои странные и не умные вопросы, но прошу не дарить моему внуку конфеты, целую тебя, как Писарев — Серебрякова, или как Крабб Мура и очень жалею, что у тебя нет хвоста.

Искренне уважающий тебя Александр

Скоро я напишу письмо тому кучеру, которого ты называешь Феролем.

20 ноября 1901 года Петербург.

¹ Блок перешел на филологический факультет Петербургского университета.² В 1901 г. Блок, как считал он сам, создал стихи, «имеющие первенствующее значение, как для первой книги, так и для всей трилогии». Осенью 1901 г. написана значительная часть стихов, составивших вторую главу «Стихов о Прекрасной Даме».³ Александр Васильевич Гиппиус — товарищ Блока. Некоторое время по его рекомендации был домашним учителем Андрея Кублицкого-Пиоттух, затем поддерживал добрые отношения с семьей Кублицких. См. об этом — наст. т. кн. 1, п. 41 и далее.

15

〈Bad Nauheim. 13/26 июня 1903.〉

Милый мой Андрей, Гиппиус просил тебя написать ему ¹. Вот его адрес: Забайкальская жел. дор., станция Маньджурия, Переселенческий пункт. А. В. Гиппиусу. Целую тебя крепко, будь здоров, целуй маму и Фероля.

Твой С а ш у р а

¹ А. В. Гиппиус заведовал переселенческим пунктом на Дальнем Востоке, на ст. Маньджурия.

16

Милый Андрей, поздравляем тебя с Рождеством. Будь здоров и счастлив ¹.

С а ш у р а и Л. Б л о к ²

¹ Написано на почтовой открытке, посланной из Италии. Письмо было подарено Ф. А. Кублицким-Пиоттух писателю и библиофилу В. Г. Лидину.

² Подпись Л. Д. Блок сделана ее рукой.

17

Дорогой мой Андрей, поздравляю тебя с днем рождения. Будь здоров, счастлив и весел, крепко целую тебя и обнимаю.

Твой {С а ш у р а ¹.

¹ Написано на открытке с изображением храма Василия Блаженного. Открытка была подарена Ф. А. Кублицким-Пиоттух В. Г. Лидину. О поступлении этого и предыдущего (№ 14) автографа Блока в его собрание В. Г. Лидин рассказал в очерке «Письма Александра Блока». См. Вл. Л и д и н. Люди и встречи. Страницы полдня. М., 1980, с. 216.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПИСЬМА БЛОКА С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

1

〈Петербург〉 5 января 1896 г.

Дорогая тетя Софа!

Сегодня мама хотела отправиться к Вам, но с утра чувствует себя очень плохо. У нее жар 37,8, и, вероятно, начинается инфлуэнца. Она простудилась.

Напиши пожалуйста, как чувствует себя Фероль?

Целую тебя.

Твой С а ш у р а

2

16 марта, суббота, 1896 год

Дорогая тетя Софа!

У мамы очень болят глаза, а потому я пишу тебе за нее. Мы, к сожалению, не можем приехать к вам обедать, потому что я не совсем здоров. Вчера, придя из гимназии, я почувствовал себя скверно и лег в постель сейчас же после обеда. У меня сразу было 39,3°. Сегодня был Метропольский ¹ и сказал, что у меня простой приступ перемежающейся лихорадки. После ухода Метропольского я встал, и теперь у меня вероятно уже нет совсем жара.

Очень жалко, что вы сами не можете приехать к нам обедать; нельзя ли послать хоть одного Фероля к завтраку. Надеюсь, что ты его отпустишь!

Мы получили твое письмо сегодня, в конце обеда. Целую тебя, Фероля и Андрея.

Твой С а ш у р а

БЛОК С МАТЕРЬЮ И ОТЧИМОМ

Фотография, 1896

Частное собрание, Москва

Пожалуйста, если отпустишь Фероля, скажи ему, чтобы он приезжал с портфелем редакции и со штемпелем².

Выходить мне не придется еще несколько дней, потому что я буду принимать хиву

¹ *Метропольский* — домашний врач матери Блока и его отчима.

² Феликс Кублицкий-Пиотух был одним из самых деятельных сотрудников семейного журнала «Вестник», редактировавшегося Блоком. Журнал велся по всем правилам. Печать «Редакция журнала „Вестник“» была подарена Блоку матерью, принимавшей активное участие в издании. Подробнее см. наст. т., кн. 1, с. 203.

3

〈Шахматово〉 5 сентября 1900.

Дорогая тетя Софа!

Очень тебе благодарен за письмо, поздравления и пожелания, которые застали нас с мамой еще в Шахматове. Даже письмо, которое ты писала маме в Петербург¹, — Францик переслал сюда. Теперь 5-ое сентября, а мы все еще сидим здесь, впрочем мама уже поговаривает, что пора было уезжать раньше, но мне здесь довольно приятно. Завтра 6-ого мы уезжаем, наконец, с надеждой видеть вас на будущий год в Шахматове² (об этом я не пишу ни Феролю, ни Андрею, — ты, вероятно, не очень льстишь их надеждами на этот счет, а между тем из твоих последних писем видно, что это может случиться, благодаря тоске по родным и России, отсутствию сколько-нибудь порядочной дачи и пр., и пр.). Не очень, по-видимому, выгодно для Томской губернии сравнение ее с Московской, а особенно уж ваши места не много говорят за себя! Остается только надеяться на то, что вы на будущее лето будете здесь, а пока привыкнете немного и к Барнаулу, чего особенно желаю тебе, потому что и Фероль и Андрей перенесут все гораздо легче и безболезненнее.

В Шахматове, по обыкновению, замечательно красивая, хотя сероватая осень³. Дождя не очень много, удается часто (особенно мне) быть на воздухе, а мама и тетя Маня, привязанные к диде⁴, иногда уходили от него в период молотбы ржи и овса, теперь же опять почти не выходят, — правда, холодно. Рожь убрана прекрасно, овес немногим хуже, но урожай ниже среднего (около сам 5). И мама стала принимать большое участие в хозяйстве после длинных известных тебе разговоров с бабушкой⁵. Теперь работы кончены, мамини нервы расстроены, конечно причин этому очень много, кроме хозяйственных. С Иваном, который остается на зиму и от времени до времени поражает своим идиотизмом, заключен в некотором роде, юридический акт, именно, составлен инвентарь и хранится у бабушки за его подписью; впрочем, в инвентаре не последнее место занимают сломанные тарантас и плуги, и другие вещи, или испорченные или стоющие сами по себе от 2 до 6 копеек; Иван, слава богу, пока принимает все это серьезно и считает «безгрешным делом». Не думаю, однако, чтобы вы отказались принимать участие и присутствовать при всем этом. При ближайшем рассмотрении оказывается сложным для неопытных людей и шахматовское хозяйство, требующее любви и труда.

Всякие подробности, вероятно, пишут тебе мама, бабушка и тетя Маня. Пока всех нас занимает это хозяйство, и я лично, несмотря на завтрашний отъезд и полную перемену обстановки, брожу кругом и мало представляю себе университет. Скоро все это переменится и «образ Шахматова утонет в грохоте Петербурга».

Желаю вам всем счастья, здоровья и привычки, надеюсь видеть вас через 9 месяцев. Целую тебя, дядю Адася и детей, целую твою руку, до свиданья.

Твой С а ш у р а

¹ Письмо послано в Барнаул, куда временно переехала семья Кублицких-Пиоттух.

² Отъезд Кублицких-Пиоттух в Барнаул внес существенные перемены в жизнь шахматовских обитателей и поначалу отсутствие братьев было очень ощутимо для Блока. Можно предположить, что отсутствие веселых товарищей игр и забав во многом повлияло на нравственную атмосферу бекетовского дома. М. А. Бекетова писала: «В 1900 г. уехала в Сибирь сестра Софья Андреевна вместе с мужем и обоими сыновьями, товарищами Сашиных игр и любимцами Ал. Андр. Расставанье с ними было для нее большим горем. Она заливалась слезами в последний день их пребывания в Шахматове перед отъездом в Сибирь. Несмотря на то, что в год их отъезда Саше было уже почти 20 лет, а им 17 и 15, он еще охотно проводил с ними время, предаваясь самым невинным и веселым мальчишеским дурачествам. Без них исчез элемент этого здорового веселья. Теперь вполне ясное и жизнерадостное настроение исходило только от бабушки, так как запас ее жизненных сил был неиссякаем: они были ключом почти до последних дней ее жизни» («Александр Блок и его мать», с. 135).

³ «Благоуханную глушь» Шахматова и совершенно сказочную природу этого места очень любили Блок и члены его семьи. «Русь настоящая», — говорила об окрестностях усадьбы мать поэта. Особенно красиво было в окрестностях Шахматова весной и осенью. Александра Андреевна так передавала в одном из писем свое впечатление: «Очень у нас тут хорошо. Дни серые, свежие, тихие, но так все красиво, что об отъезде и думать не хочется <...> А сегодня светлый день и потянуло уже к морозу. Мы с Францем ходили в Тараканово. Там широкие дороги, вокруг золотые леса. Очень чувствуется Россия...» (письмо находилось в семейном архиве Кублицких-Пиоттух, затем в собрании Н. П. Ильина. Ныне — в Мемориальном Музее-квартире А. А. Блока в Ленинграде).

⁴ Андрей Николаевич Бекетов был разбит параличом.

⁵ Хозяйством в Шахматове занималась обычно Е. Г. Бекетова. Ее здоровье ухудшилось, забота о больном А. Н. Бекетове отнимала много сил и времени, и она просила дочерей уделять большее внимание хозяйственным делам.

⟨Петербург, 23 ноября 1900 г.⟩

Дорогая тетя Софа!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения, желаю тебе всего самого лучшего и благодарю тебя за очень ласковое письмо. У нас не очень то много новостей, как и у вас, особенно последнюю неделю, когда мама нездорова и никуда не выходит еще (у нее кончается инфлюэнца), да и у нас не бывает особенно много народу, что, впрочем, имеет свои большие достоинства — без недостатков, с моей точки зрения. На днях придет дядя Лука¹, и тогда начнется порядочная кутерьма, что, впрочем, я думаю, тебе известно. Бабушкино рождение прошло в этом году ужасно бледно, почти никто ее не поздравлял в этот день, были, конечно, Ольга Юрьевна с детьми (3-мя)², Евг. Осипович³, м-ле Эмилия Железнова⁴, и даже Гуцины⁵ спугали

день и не пришли. Я обедал там, но после обеда удрал, так как мне нужно было попасть в Зал Павловой для того чтобы аплодировать новой знакомой барышне, соучастнице наших литературных вечеров, по фамилии Лучинской⁶. Хотя я и не очень было хорошо удирать от бабушки и тети Мани, но они поощряли, и я с опозданием прибыл в зал Павловой, — «ибо наступила черта моя, — а я прирожденный скот!» как говорит Мармеладов⁷.

Теперь на очереди дидино рождение, и мама может быть будет там, сильно закутанная, впрочем, еще не наверное, она сильно кашляет и насморк у нее, а, главное, после инфлуэнцы отчаянное состояние нервов и настроения, что почти всегда бывает при этом. Приходит к нам Катя Хрусталева⁸ и происходит «мелодекламация» (с моим-то слухом!), впрочем, говорят недурно, она как-то подыгрывает под меня, а я без всякого с ней соображения, говорю стихи. Во всяком случае иногда это оживляет и отвлекает, маме нравится, Катя хохочет, болтает, иногда и вадор, но живой и полезный, что и требуется, потому что мы с мамой частенько «находимся по отношению к земному в меланхолическом состоянии» (выражение Фероля, очень меткое). Вероятно и вы в Барнауле разделяете наши настроения, притом на довольно реальной почве, вполне себе представляю это. Marie⁹ также приходит, очень много говорит по-французски, убедительно, но не всегда с русской точки зрения понятно. Она грустит о вас и вообще не очень веселится. Веселиться-то вообще трудновато, зима встала, небо большей частью серое, а Петербург все, как всегда, волнуется, шумит, впрочем от нас довольно далеко, и «раскрывает объятия театров и магазинов», а Платон и Христос говорят о бессмертии души, в университете внушают юридические и другие науки. Не очень то я часто бываю в Университете, а если и бываю, то слушаю лекции Введенского¹⁰ по истории философии вообще (а не права!) — и только. Больше занимаюсь дома по-прежнему, нахожусь в общении с Гиппиусом¹¹, который умен и часто интересен, вообще вполне противоположен Коке Гуну¹² и пр., «их же имена ты веси, господи».

Таковы эскизы нашей жизни в самых общих чертах, извини, пожалуйста, за крайне неподражительное письмо мое, но «такова уж черта моя!»¹³ Очень хочу видеть вас всех, целуй от меня дядю Адася, Фероля и Андрея. Целую тебя, до свиданья.

Твой С а ш у р а

23/XI.1900

¹ Люциан Феликсович *Кублицкий-Пиоттух*, брат отчима Блока и А. Ф. Кублицкого-Пиоттух, офицер л.-гв. Гренадерского полка, затем начальник Нерчинского округа. Он часто бывал в доме Бекетовых и своих братьев. Блок (под псевдонимом Борский) однажды в его фраке участвовал в спектакле в Зале Павловой. Веселый и милый Люциан Феликсович очень нравился Блоку.

² Ольга Юрьевна *Каминская* — врач, лечившая Елизавету Григорьевну Бекетову.

³ Евгений Осипович *Романовский* (1853—1918) — минералог, друг семьи Бекетовых. Исследователь архива прадеда Блока, естествоиспытателя и путешественника Г. С. Карелина.

⁴ Эмилия Николаевна *Железнова* — дочь ботаника Н. И. Железнова.

⁵ Борис Петрович *Гуцин* (1874—1936) — библиограф, библиотекарь Института инженеров путей сообщения в Петербурге, заведующий русским отделением Библиотеки АН СССР.

Олимпиада Николаевна *Гуцина* — учительница, подруга М. А. Бекетовой, жена Б. П. Гуцина.

⁶ Евгения Юрьевна *Лучинская* — знакомая Блока по литературным вечерам.

⁷ Неточная цитата из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». См. Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., в 30 т., т. VI. Л., 1973, с. 15.

⁸ Екатерина Евгеньевна *Хрусталева* — молодая пианистка.

⁹ См. письма Блока к А. А. Кублицкому-Пиоттух. II, 4, прим. 4.

¹⁰ Александр Иванович *Введенский* (1856—1925) — философ, профессор Петербургского университета.

¹¹ Александр Васильевич *Гиппиус* — товарищ Блока по университету. Перениску Блока с ним см. в кн. 1 наст. т.

¹² Николай Васильевич *Гун* (1879—1902) — гимназический товарищ Блока.

¹³ Слова Мармеладова, героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». См. прим. 7 к наст. письму.

⟨Шахматово, 5 июля 1901 г.⟩

Дорогая тетя Софа!

Благодарю тебя очень за то, что ты все обо мне заботишься и беспокоишься — все думаешь о моих развлечениях. Мне бы хотелось вас увидеть и путешествовать с вами в горах¹, но дело в том, что мы решили, что моя теперешняя поездка в Барнаул была бы несвоевременна по следующим причинам: прежде всего, в Шахматове нас очень уж мало и отсутствие мое было бы очень заметно, особенно, если принять во внимание неприятное (хотя, по-моему, не имеющее особого значения практического) письмо², полученное бабушкой. Я уверен, что я составляю некоторую нравственную гарантию безопасности, хотя и не могу, конечно, спасти, например, от поджога; а впрочем, от него и никто не может спасти и мы не уберемлись бы, будь десять мужчин в каждой комнате. Такова главнейшая и благоразумнейшая, по-моему, причина. Другая состоит в том, что при назначенном вами огромном маршруте и огромных расстояниях отсюда до вас я рисковал бы вернуться в конце августа и чуть не прямо в Петербург, а это в высшей степени нежелательно ввиду также и вышеуказанного. Что касается окружающей нравственной атмосферы³, то я не угнетен ею, ибо у меня много ресурсов — книг, мыслей, а также спектаклей и репетиций. Только что миновал один спектакль (о котором, я думаю, тебе писала мама), оставивший мне прекрасные впечатления⁴. И вообще, я доволен окружающим настоящим, да, в сущности, это и естественно, потому что, кроме диди, около которого я мало бываю, все располагает к пользованию жизнью. Другое дело, мама и тетя Маня, — они угнетены, и то, впрочем, находят случаи восхищаться и радоваться, «будучи по природе не лишены чувства справедливости», как сказал про себя Вл. Соловьев. Очень еще раз, благодарю тебя, крайне жалко, что мы теперь не увидимся, но причины на это, как видишь, довольно серьезны. Целую вас всех крепко, желаю всем быть довольными путешествием, а тебе не очень устать.

Твой С а ш у р а

Шахматово, 5 июля 1901 г.

¹ Кублицкие приглашали Блока совершить с ними путешествие в Алтайских горах по маршруту: Барнаул — Бийск — Чеман — Онгудой и обратно (А. А. К у б л и ц к и й - П и о т т у х. Хронологические записи нашей жизни).

² Анонимное письмо с угрозами было послано в Шахматово кем-то из крестьян соседних деревень.

³ Блок, погруженный в романтическую атмосферу «мистического лета», переживающий роман с Л. Д. Менделеевой и создающий стихи, вошедшие в первую главу «Стихов о Прекрасной Даме», не мог оставить Шахматово, чего не хотела и Любовь Дмитриевна. Письмо написано на следующий день после «самого значительного дня» лета 1901 г., когда в разговоре на липовой аллее в Боблове Любовь Дмитриевна дала понять Блоку, что ему не надо ехать в Барнаул.

⁴ 1 июля 1901 г. Блок участвовал в любительском спектакле в Боблове.

⟨Шахматово, 5 сентября 1901 г.⟩

Дорогая тетя Софа, благо: арю тебя очень за поздравления и пожелания. В свою очередь поздравляю тебя и желаю всего, что только может быть тебе приятно. Как видишь, я до некоторой степени воспользовался твоим разрешением и «подгоняю» к 17-ому¹. Теперь так мало материалов для писания, что ответы Феролю и Андрею я даже откладываю до Петербурга, куда послезавтра мы едем². Там сразу ожидают нас всевозможные новости и, по обыкновению, впечатления. Здесь же пока мы отправили тяжелый багаж, а сегодня слабо приготовились к завтрашним именинам бабушки, для чего мы с мамой принесли большой букет из дуба, папоротников и красных листьев вересклета. Осень чудная, совсем хрустальная, свежая; последние дни все очень пожелтело и покраснело, озими только чисто зеленые и всюду большие. Ночи ужасно темны и звездны, трудно добираться до флигеля³. Плотники в невероятном количестве (сосчитать нет возможности — не то 6, не то 8!) строят погреб, курятник, кроют крышу дранкой, без нас начнут вывешивать скотный. А Дмитрий копаются в саду и наводит небывалую цивилизацию на яблоны, смородину и кружовник — все это очень оживленно, а мама даже находит, что приготовляет к городу. «Инвентарь» значительно по-

полнился заступами и пр., вообще — фуроры и этуали! Настолько красиво и все идет быстро, что жалко уезжать (мне, но не маме, которой хочется в город). Впрочем, я и от Петербурга не прочь, только лекции должно быть начнутся поздно (числа 15?) Зима представляется мне в высшей степени привлекательной, мы с мамой уже мечтали о том, как будем ходить в Эрмитаж и др. музеи. Дела всякого будет очень достаточно вообще. Лето прошло прекрасно для меня, я им ужасно доволен (в общем); да и погода была какая-то исключительно лучезарная, хотя иногда трудно было терпеть жару. Последнее время я далеко ездил верхом по окрестностям, даже в некоторые места мало знакомые, куда, надеюсь поехать на будущий год уже в приятной и теплой кампании с братьями ⁴. Целую тебя крепко и желаю всего самого приятного.

Любящий тебя Сашура

5 сентября 1901. Шахматово ⁵.

¹ 17 сентября — день именин Софьи Андреевны Кублицкой-Пиоттух.

² Мать Блока писала 6 сентября 1901 г. Софье Андреевне в Барнаул: «Мы с Сашурой завтра отправимся в Петербург... В мечтах и разговорах о Вашем приезде будущего года Сашура выразился на днях, что приедут два Маминых-Сибиряка» (Письмо находилось в семейном архиве Кублицких, затем в собрании Н. П. Ильина. Ныне — в Мемориальном музее-квартире А. А. Блока в Ленинграде).

³ Флигель, в котором жил Блок, был расположен в глубине усадьбы. Его изображение сохранилось только на рисунке А. Кублицкого.

⁴ Об этом же писала Андрею Кублицкому-Пиоттух в Барнаул бабушка Елизавета Григорьевна Бекетова: «А знаешь ли, несмотря на близость железной дороги и больших городов, у нас в Шахматове природа совсем дикая, и многие места в окрестностях прелестны и еще неизвестны тебе. Сашура нынче много рыскал верхом и делал открытия: он собирается будущим летом объездить эти места вместе с вами» (Цит. по копии. Собрание В. П. Енишерлова).

⁶ В этот день Блок написал стихотворение:

Глушь родного леса,
Желтые листья.
Яркая завеса
Поздней красоты.

Замерли далече
Поздние слова,
Отзвучали речи —
Память все жива.

Глухо долетают
Звуки топора,
Листья облетают,
И пора, пора... (I, 477)

7

〈Петербург, 27 ноября 1901 г.〉

Милая и дорогая тетя Софа, поздравляю тебя, очень люблю и желаю всего самого приятного и лучшего и в твоей семье и всюду. Благодарю тебя за необычайно любящие и ласковые письма, прости меня за то, что я так долго все-таки не писал и не отвечал. У нас не так благополучно, потому что у Францика оказалась грыжа, к счастью в легкой и безопасной форме, о чем ты, вероятно, знаешь уже из писем мамы и тети Мани. Без операции, однако, нельзя будет обойтись, а это — неприятная перспектива. Мама была все это темное и сумеречное время в ужасно подавленном состоянии ¹ — не помогал и приют ²; я надеюсь, что после солнцеповорота кое-что в ее настроении изменится — все мы очень зависим от солнца, особенно же в Петербурге, где оно не балует. Я только в этом году в значительной степени избавился от гнета погоды, оттого ли, что поздоровел, или больше дела, или (что, по-моему всего скорее) начинаю чувствовать под ногами настоящую мистическую почву, только изредка ускользающую — «неподвижный ключ жизни», неподвижный всегда и при *всех* обстоятельствах ³. У нас в Университете происходят очень важные и многим интересные события, именно — коренная реформа; дошло дело до того, что вчера мы («1-ый курс филологов») «выбирали» старост в «разрешенном» собрании под председательством Алекс. Ив. Введенского ⁴. Определелись партии — радикальная, оппозиционная; а я со многими другими принадлежу к партии «охранителей», деятельность которой, надеюсь, будет заключаться в охране даже не существующих порядков, а просто учебных занятий, которые, как мне все больше кажется, составляют главную задачу Университета (по крайн. м. — русского). Такая партия (хотя не организованная) тем более необходима, что носят тревожные слухи о том,

что Ванновский⁵ может изменить свое поведение, видя в студентах постоянное и часто (по моему) возмутительное упорство и обструкцию всем его начинаниям. Университет ужасно шумит и кипит, а в наших аудиториях и музее древностей⁶ чаще тишина, да и приват-доценты больше производят впечатление «грезящих небом Греции своей»⁷. Многие из филологов — люди сравнительно отвлеченные, что естественно; а это, можно надеяться, поддержит хоть у нас сильно вообще падающий дух науки. Пожалуйста, прошу тебя поцеловать от меня дядю Адася, Фероля и Андрея. Не рано ли Феролу умственно загромоздиться Виндельбандами⁸ и прочее?

Твой С а ш у р а

27/XI 1901. СПб.

¹ Осенью 1901 г. первы Александры Андреевны были особенно расшатаны болезнью родителей, отъездом в Барнаул Кублицких, волнениями о сыне. Как и многие люди с неуравновешенным характером, часто страдающие угнетенным состоянием, она плохо переносила сумеречное время года. «Особенно тяжело доставались ей темные месяцы, — писала Мария Андреевна. — Хуже всего чувствовала она себя в ноябре и так же, как сын ее, очень рано начинала ощущать приближение весны, которая всегда ее ободряла. Это было ее любимое время года... Этот этап ее жизни был отмечен по преимуществу мистическим, религиозным характером. Усиленный интерес к религии, одно время уже почти заглохший, проявился теперь в новой форме. Ее не удовлетворяло обычное отношение к религии, она искала нового направления и новых путей. Ее внимание было обращено исключительно на духовную сторону. Не уклоняясь от христианства, она воспринимала его только как религию духа» («А. Блок и его мать», с. 135—136).

² Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух была почитательницей одного из приютов Общества защиты детей от жестокого обращения.

³ Позже, 22 февраля 1903 г., Блок послал Л. Д. Менделеевой письмо, в котором объяснил свое понимание «мистицизма» и отношение его к жизни. «Свой „мистицизм“ я уже пережил, и он во мне неразделен с жизнью <...> Самый этот „мистицизм“ (под которым ты понимаешь что-то неземное, засферное, „теоретическое“) есть *сжое лучшее*, что во мне когда-нибудь было; он дал мне *пережить* и почувствовать (не *передумать*, а *перечувствовать*) все события, какие были в жизни, особенно 1) ярко, 2) красиво, 3) глубоко, 4) таинственно, 5) религиозно <...> „Мистицизм“ дал мне всю силу к жизни, какая есть <...> Мистицизм не есть „теория“; это — непрерывное ощущение и констатирование в самом себе и во всем окружающем таинственных, живых, неразрушимых связей друг с другом и через это — с Неведомым». (ЛН, т. 89, с. 107).

⁴ См. п. 4, прим. 10.

⁵ Петр Семенович Ванновский (1822—1904) — министр народного просвещения.

⁶ Аудитории филологического факультета, на котором с осени 1901 г. учился Блок.

⁷ Эти слова восходят к последним строкам стихотворения Тютчева «Н. Ф. Щербине»: «Свободой бредил золотом И небом Греции своей».

⁸ Вильгельм Виндельбандт (1848—1915) — немецкий философ, автор трудов по истории философии, переведенных на русский язык. Ф. А. Кублицкому, начавшему изучать философию по Виндельбандту, было 17 лет.

8

⟨Петербург, 14 апреля 1902 г.⟩

Христос воскрес, дорогая тетя Софа, крепко тебя целую, люблю и скоро увижу.

Твой С а ш у р а.

Пасха 1902.

БЛОК — Ф. А. КУБЛИЦКОМУ-ПИОТТУХ

1 (13) июня 1903¹.

Поздравляю тебя, брат мой, внезапно утраченный мною в Берлине! Ходил и искал тебя тщетно — наверх не пустили. Некоторые немцы уже начинают изредка удовлетворять моим желаниям, когда я объясняюсь с ними на туземном наречии².

Будь весел и здоров.

Твой С а ш у р а

¹ Написано на открытке с видом Бад-Наугейма.

² 1 июня — день рождения Ф. А. Кублицкого-Пиоттух. 26 мая 1903 г. Блок с матерью и двоюродным братом выехал из Петербурга. Путь матери и сына лежал в курортный горо-

док Бад-Наугейм. У Александры Андреевны обострилась сердечная болезнь, и она должна была пройти курс лечения.

² В связи с этой открыткой Ф. А. Кублицкий-Пиоттух писал в воспоминаниях: «Одной из отличительных черт Саши Блока была искренняя и глубокая любовь ко всему русскому и недружественное, иногда даже неприязненное чувство к «загранице». Русская литература и поэзия, русское искусство, русская природа и деревня были его идеалами и любимцами. При этом, конечно, совершенно отсутствовали какие-либо намеки на «квасной патриотизм», который жестоко осуждался и презирался в бекетовской семье. Неприязненное отношение к иностранному поддерживалось в Саше его матерью, но не вполне соответствовало взглядам деда, А. Н. Бекетова, бывшего европейцем и горячим поклонником французской культуры.

Ранние поездки Саши в немецкий курорт Бад-Наугейм предпринимались с большой неохотой, исключительно для сопровождения больной матери. В связи с этими поездками высказывалось немало острых и язвительных суждений о немецкой аккуратности, скупости, безвкусице, филистерстве и т. д.

Несколько проницательное отношение его к поездке в Германию видно из сохранившейся у меня его открытки. Я доехал из Петербурга вместе с Александрой Андреевной и Сашей до Берлина, а там наши маршруты разошлись, и мы должны были расстаться, причем это разделение было проделано немцами так стремительно, что мы не успели проститься» («Саша Блок»).

У Ф. А. Кублицкого-Пиоттух хранились еще две поздравительные открытки Блока. 1. «Милый Фероль! Поздравляем тебя с Рождеством! Желаем здоровья и счастья. *Сашура* и *Л. Блок*». Подписана Блоком и Л. Д. Блок. 2. «Милый Фероль! Христос воскрес. Поздравляем тебя мы с Любой. Целую тебя. Твой *Сашура*». Обе открытки в составе коллекции Н. П. Ильина поступили в Мемориальный музей-квартиру А. А. Блока в Ленинграде.